

Прототипъ Академій.

Въ настоящее время, когда, въ виду приближающагося трехсотлѣтія существованія нашей *Almae Matris*, въ теченіе перваго столѣтія своего существованія носившей различныя названія, но въ послѣдніе два вѣка извѣстной подъ утвердившимся за нею названіемъ Академіи, мысли ея питомцевъ и ревнителей отечественнаго просвѣщенія обращаются къ пержитымъ ею судьбамъ и когда въ особенности пробуждается стремленіе къ возможно болѣе полному и точному ознакомленію съ поучительною исторіею ея со времени возникновенія ея до послѣднихъ дней, мы считаемъ не несвоевременнымъ и не безполезнымъ обратить вниманіе на происхожденіе самаго названія Академіи и познакомиться съ мѣстоположеніемъ, строимъ и исторіею того учрежденія, которое впервые получило это названіе и послужило въ той или другой мѣрѣ прототипомъ для позднѣйшихъ высшихъ учебныхъ и ученыхъ учреждений, передавъ многимъ изъ нихъ также и свое названіе.

1. Названіе Академіи.—Мѣстоположеніе Афинской Академіи.—Академія, какъ гимназія и какъ школа Платона.—Садъ Платона.—Мѣсто ученія.

Первая, самая древняя изъ всѣхъ Академій, возникла на древне-классической почвѣ, въ Греціи, въ мѣстности, ко-

торая называлась 'Ακαδημία или, правильнѣе, 'Ακαδήμεια¹⁾, но первоначальное названіе которой было 'Εκαδήμεια, какъ это видно изъ приводимыхъ Діогеномъ Лаэртскимъ фрагментовъ Эвполида и Тимона²⁾, изъ 1005 стиха Аристофановой комедіи „Облака“, гдѣ, какъ слѣдуетъ заключать изъ схолій къ этому мѣсту и цитаты Свида, въ древнѣйшія времена читалось 'Εκαδήμειαν, а не 'Ακαδήμειαν или 'Ακαδημίαν³⁾, а также изъ прямыхъ свидѣтельствъ Діогена Лаэртскаго, Стефана Византійскаго и Свида, по которымъ слово Академія первоначально писалось чрезъ *Ε* въ первомъ слогѣ⁴⁾. Нѣкоторые производятъ слово 'Ακαδήμεια или 'Εκαδήμεια отъ дорическаго ἀκά=ἀκή (острее), или ἄκος (врачебное средство) или ἐκάς (вдали) и отъ δῆμος (народъ) и объясняютъ это названіе въ смыслѣ мѣста, содѣйствующаго изопрецію и развитію духовныхъ и физическихъ силъ народа, или производящаго цѣлебное дѣйствіе на тѣла и души народа или, наконецъ, находящагося вдали отъ народа и городского шума⁵⁾. Но эти объясненія носятъ явно искусственный характеръ. Болѣе естественнымъ представляется господствовавшее въ древности объясненіе происхожденія разсмагиваемаго названія отъ имени аттическаго героя Гекадема ('Εκαδήμρος) или Академа

¹⁾ См. *Aristophanis comoediae*, pars IX, ed. *Blaydes*, Halae, 1890, p. 135—136, гдѣ приводятся изъ древне-греческихъ писателей многочисленныя свидѣтельства, подтверждающія правильность формы 'Ακαδήμεια, измѣненной впоследствии въ 'Ακαδήμια и потомъ въ 'Ακαδημία.

²⁾ *Diogen. Laert. De vit. dogm. et apophthegm. claror. philosoph. III*, n. 7 (ed. *Huebneri*).

³⁾ *Aristophan. comoed. ed. Blaydes*, IX, p. 135 et 481; *Suidae Lexic.*, ed. *Bernhardy*, tom. I, pars 1, Halae, 1853, p. 147.

⁴⁾ *Diogen. Laert. III*, n. 8; *Stephan. Bysant. cum annot. Holstenii, Berkelii et De Pinedo*, vol. I, Lips. 1825, p. 172; *Suidae Lexic. I*, 1, p. 146. Свидя говоритъ (*ibid.*), что Академія называлась также 'Ακαδήμειον.

⁵⁾ *Forcellini et De Vit Totius latinit. lexic. t. VII, Prati*, 1867, p. 21; *Κωυοταυτινίδης Ἡ 'Ακαδημία ἤτοι πρᾶγματεῖα περὶ τῆς Ἀθῆνῃς Πλατωνικῆς σχολῆς*, 'Ερλάγγ. 1874, p. 1.

(Ἀκαδημος), владѣвшаго тѣмъ земельнымъ участкомъ съ роцею, который впослѣдствіи получилъ названіе Академіи, и пожертвовавшаго свое владѣніе городу Афинамъ, какъ могущее служить украшеніемъ мѣстности¹⁾. По нѣкоторымъ преданіямъ, здѣсь было посвящено этому герою даже особое святилище (ἱερόον)²⁾. Съ именемъ Гекадема или Академа соединяется сказаніе, что когда Діоскуры (Касторъ и Поллукъ или Полидевкъ) сдѣлали нападеніе на Аттику, чтобы освободить свою сестру, Елену, похищенную Тезеемъ, то онъ открылъ имъ, что она содержится, какъ плѣнница, въ Афиднахъ. Поэтому не только Діоскуры оказывали ему, при жизни его, почетъ, но и Лакедемоняне впослѣдствіи, при своихъ вторженіяхъ въ Аттику, щадили Академію за услуги, оказанныя Академомъ ихъ героямъ³⁾. Но Дикеархъ, по свидѣтельству Плутарха⁴⁾, ставитъ названіе Академіи въ связь съ аркадяниномъ Эхедемомъ (Ἐχέδημος) или, какъ читается въ нѣкоторыхъ рукописяхъ, Эхеионъ (Ἐχέμις), который участвовалъ въ походѣ Діоскуровъ въ Аттику и отъ имени котораго будто бы произошло названіе принадлежавшей ему мѣстности Ἐχέδημεια, превратившееся впослѣдствіи въ Ἐχάδημεια и Ἀκαδημεια. Извѣстны двѣ генеалогіи Эхема. По одной онъ былъ сыномъ Аеропа и царемъ аркадскимъ, а по другой—сыномъ Колона, братомъ Леонта, Вукола и Охны⁵⁾. Такъ какъ Академія лежала близъ подошвы Колона Гиппійскаго, то нѣкоторые изъ новыхъ изслѣдователей, какъ Тэн-

¹⁾ Diogen. Laert. III, v. 7; Stephan. Byzant. I, p. 172; Suidae Lexic. I, 1, p. 147; Horat. Epist. II, 2, 45; Schol. in Aristoph. Nub. v 1005 (ed. Blaydes, IX, p. 481).

²⁾ Schol. in Demosthen. XXIV, 111 (Wuchsmuth Stadt Athen, I Bd., Lpz., 1874, S. 270).

³⁾ Plutarch. Thes. c. 32.

⁴⁾ Ibid.; см. Stephan. Byzant. I, 172.

⁵⁾ Pausan. Descript. Graec. VIII, 4, 10 (по переводу Г. Янчевскаго СПб., 1887—1889, стр. 603); Plutarch. Quaest. graec. c. 40.

феръ (Töpfer)¹⁾, ставятъ названіе ея въ связь съ именемъ сына Колонова, Эхема, который въ позднѣйшихъ связаніяхъ легко могъ превратиться въ аркадянина. Но съ этимъ мнѣніемъ едва ли можно согласиться. Между именами Академіи и Эхема столь мало сходства, что трудно допустить происхождение одного изъ нихъ отъ другого. Лингвистическія соображенія и общій голосъ преданія рѣшительно склоняютъ насъ къ тому, чтобы отдать предпочтеніе объясненію происхожденія имени Академіи отъ имени Гекадема—Академа или, по крайней мѣрѣ, признать связь имени Академіи съ именемъ именно этого героя. Но вопросъ о томъ, былъ ли этотъ герой лицомъ дѣйствительнымъ или вымышленнымъ, мы оставляемъ открытымъ какъ за неимѣніемъ положительныхъ, фактическихъ данныхъ, которыя могли бы служить опорой для рѣшенія этого вопроса, такъ въ виду извѣстной наклонности древнихъ грековъ вымышлять имена героевъ для объясненія мѣстныхъ названій. Весьма возможно, что и имя Гекадема или Академа составляетъ продуктъ позднѣйшихъ измышленій для объясненія имени Академіи.

Академіею или Гекадеміею первоначально называлась лишь мѣстность, находившаяся въ Кефисской низменности, къ сѣверо-западу отъ Аѳинъ, не вдалекѣ отъ города, и именно, какъ свидѣтельствуемъ Цицеронъ на основаніи личнаго знакомства съ нею, въ шести стадіяхъ (= 1 верст. 20 саж.) отъ Дипила или Оріасійскихъ воротъ²⁾, близъ Колона Гин-

¹⁾ In *Pauhy-Wissowa Real-Encyclop.* Bd. I, Stgt. 1893, S. 1137—1138.

²⁾ *Cicero, De finib.* V, 1 Съ этимъ согласно свидѣтельство *Тита Ливія*, который опредѣляетъ разстояніе Академіи отъ Дипила круглымъ числомъ—почти въ 1 римскую милю (= 1 верст. 193 саж.): *lines mille ferme passus in Academiae gymnasium ferens* (*T. Liv.* XXXI, 24). Этимъ свидѣтельствомъ не противорѣчатъ и указаніе *блаж. Иеронима*, по которому Академія находилась *вдали* (*procul*) отъ города (*Contra Jovian.* lib. II), потому что слово *procul* имѣетъ неопредѣленное значеніе и нерѣдко употребляется для обозначенія небольшихъ разстояній.

пійскаго и нѣсколько въ сторону отъ большой дороги, пролежавшей чрезъ загородную часть Керамика¹⁾, вслѣдствіе чего Исихій и Стефанъ Византійскій называютъ эту мѣстность, какъ принадлежащую къ территоріи Керамика, τόπος ὁ Κεραμικός²⁾. Здѣсь съ древнѣйшихъ временъ находилось нѣсколько святилищъ, изъ которыхъ главнымъ было святилище Афины съ обширнымъ священнымъ участкомъ (τέμενος). На послѣднемъ было много деревьевъ и, между прочимъ, росли 12 священныхъ деревьевъ (μόρια), изъ которыхъ одно считалось отводкомъ отъ маслины, посаженной самою Афинною въ Афинскомъ Акрополѣ, и которыя всѣ находились подъ особымъ покровительствомъ Зевса Морія (покровителя священныхъ маслинъ). Поэтому былъ устроенъ на этомъ участкѣ особый жертвенникъ Зевсу, почитавшемуся здѣсь подлѣ именемъ Катевата (Καταβάτης)³⁾. Здѣсь совершалось также служеніе Прометею, и былъ построенъ храмъ ему. При самомъ именно входѣ въ этотъ участокъ (κατὰ τὴν εἰσοδον), по свидѣтельству Аполлодора, былъ древній пьедесталъ (βάσις), на которомъ стояли статуи Прометея и Гефеста и былъ устроенъ для нихъ общій жертвенникъ. Этотъ жертвенникъ или пьедесталъ служилъ начальнымъ пунктомъ для лампадодромій или факельныхъ боговъ. Далѣе, въ предѣлахъ священнаго участка находились жертвенники Музъ, Гермеса и Геркулеса⁴⁾.

¹⁾ Относительно мѣстоположенія Академіи см. *Wachsmuth Stadt Athen*, I Bd. Lpz. 1874, S 255, 256, 258 и др.

²⁾ *Stephan Byzant.* loc. cit.; *Hesych.* sub v 'Αχαδημιά.

³⁾ *Athen Dipnosophist.* XIII, 561, d. (recens *Kaibel*, vol. III, Lips 1890, p. 238), *Apollodor. Fragm.* 32 in *Muller's Fragm. histor. graec.* Vol. I. Paris. 1874, p. 434; *Pausan. Descript. Graec* I, 30, 2; *Aristophan.* Nub v. 1005 et Schol. in l. l (in ed. *Blaydes* IX, p 135 et 481—482); Schol. in *Sophocl. Oedip Col.* v. 697 et 705 in *Muller's Fragm. hist. gr.* I, p 422 et 434, *Smith's Lexic* II, 2, p. 881.

⁴⁾ *Apollodor. Fragm* 32; *Pausan. Descr Graec.* I, 30, 2 — Лампадодроміями (Λαμπαδοδρομίαι) назывались бѣга съ зажженными факелами, исполнявшіеся въ Афинахъ юношами ночью во время нѣкоторыхъ праздниковъ, и осо-

Все это ясно указывает на то, что здѣсь была гимназія¹⁾. И дѣйствительно, хотя нѣкоторые изъ древнихъ писателей, какъ, напр., Павзаній, говоря объ Академіи, совсѣмъ не упоминаютъ о гимназіи, но большинство писателей хотя говорятъ также объ Академіи, какъ о мѣстности²⁾, но нерѣдко прямо называютъ Академію гимназіей³⁾ и не оставляютъ никакого сомнѣнія въ томъ, что въ мѣстности, называвшейся Академіей, находилась одна изъ трехъ древнѣйшихъ гимназій Аѳинскихъ⁴⁾.

Когда именно была основана гимназія, носившая названіе Академіи, неизвѣстно. Но во время тиранновъ (560—503 г. до Р. Х.) она, безъ сомнѣнія, уже существовала и представляла обширное общественное учрежденіе съ дорогими сооруженіями, память о которыхъ сохранилась въ выраженіи: τὸ Ἰππάρχου τεχνίον. Хотя Свида, приводя и объясняя это

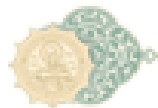
бюро въ праздники божествъ свѣта и огня,—Прометей, Гефеста, Аѳины и друг. Искусство въ этихъ играхъ состояло въ томъ, чтобы ранѣе другихъ состязавшихся добѣжать или доѣхать на лошади до цѣли, не потасивъ находящагося въ рукѣ факела. См. *Pausan.* loc. cit.

¹⁾ Гимназіями въ Греціи назывались окруженныя колоннадами мѣста, заключавшія въ себѣ тѣнистыя аллеи съ скамьями, ровныя площадки, портики, просторныя корридоры, бани и другія подобнаго рода закрытыя и открытыя пространства, служившія для гимнастическихъ упражненій, прогулокъ, отдыха, научныхъ или обыкновенныхъ бесѣдъ и т. под. и украшенныя статуями боговъ и другими произведеніями пластики, и въ частности статуей Гермеса.

²⁾ Напр., *Diogen. Laert.* III, 7 и *Suidae Lexic.* II, 2, p. 297, по которымъ садъ былъ купленъ Платономъ у частнаго лица ἐν Ἀκαδημίᾳ, гдѣ подъ Академіей ясно разумѣется мѣстность, а не гимназія. См. подобнаго рода выраженія въ эпитафическихъ памятникахъ (χωρίον ἐν Ἀκαδημίᾳ по *Wachsmuth* I. S. 255) и у *Стефана Византійскаго* и *Исидора* (loc. cit.), которые Академію называютъ τόπος ὁ Κεραικός.

³⁾ *Clitodemi* Fragm. 24 in *Mülleri* Fragm. hist. graec. I, p. 364; Schol. in *Aristophan.* Nub v. 1005; *Diogen. Laert.* III, 7; *Suidae Lexic.* I, 1, 147; *T. Liv.* XXXI, 24 и друг.

⁴⁾ Въ Аѳинахъ въ древности было три общественныхъ гимназій: Академія, Ликей и Киносаргъ. *Dicaearch.* Fragm. 59 in *Mülleri* Fragm. hist. graec. II, p. 354; *Suidae Lexic.* I, 1, p. 147.

выраженіе, говоритъ лишь объ обнесеніи Академіи стѣною Гиппархомъ, сыномъ Пизистрата, заставившимъ аѳинянъ сдѣлать для этого большія затраты; но изъ свидѣтельства того же писателя о томъ, что Гиппархова стѣна вошла въ пословицу, употреблявшуюся относительно того, на что дѣлались очень большія издержки¹⁾, слѣдуетъ заключить, что внутри этой стѣны находились также сооруженія, соотвѣтствовавшія цѣлямъ гимназіи. Далѣе, изъ свидѣтельствъ Клитема (или Клитодема) и Павзанія²⁾ извѣстно, что одинъ изъ родственниковъ Пизистрата, Хармъ, пользовавшійся особою любовію Гиппія, сына Пизистратова, поставилъ при входѣ въ эту гимназію статую Эрота съ жертвенникомъ и сдѣлалъ на послѣднемъ посвятельную надпись. Клитемъ приводитъ и самый текстъ надписи, которую можно перевести слѣдующимъ образомъ:

Хармъ при предѣлахъ гимназіи, тѣню обильныхъ, поставилъ
Жертвенникъ этотъ тебѣ, въ ковахъ искусный Эротъ

Изъ этой надписи ясно видно, что въ Академіи въ то время уже находилась гимназія съ тѣнистыми деревьями. По менѣе точному свидѣтельству Плутарха³⁾, статуя Эрота была поставлена въ самой Академіи и не Хармомъ, а Пизистратомъ. Затѣмъ Кимонъ устроилъ въ Академіи первый образецъ прекраснаго общественнаго парка, насадивъ новыхъ деревьевъ, расчистивъ дорожки и снабдивъ въ изобиліи водою эту мѣстность, страдавшую прежде отъ жары и засухъ. Поэтому здѣсь появились прекрасные луга со множествомъ цвѣтовъ, благоуханіе которыхъ наполняло воздухъ, и разрослись тѣнистыя группы изъ масличныхъ деревьевъ, серебристыхъ тополей, вязовъ и платановъ, изъ которыхъ образо-

¹⁾ *Suidae Lexic.* II, 2, p. 1162—1163.

²⁾ *Clitodem. Fragm.* 24 in *Müller's Fragm. hist. graec.* I, p. 364; *Pausan. Descrip. Graec.* I, 30, 1.

³⁾ *Plutarch. Solon.* 1; см. *Wachsmuth* I, S. 501.

нались прекрасныя аллеи, сдѣлавшіяся пріятнымъ и любимымъ мѣстомъ для гулянья¹⁾. Въ особенности платаны достигали здѣсь огромной величины²⁾.

Но всеобщую славную извѣстность Академія получила лишь послѣ того, какъ сдѣлалась мѣстомъ ученія Платона. Какъ Сократъ искалъ людей, стремившихся къ ученію, въ гимназіяхъ и другихъ общественныхъ мѣстахъ, такъ ученикъ его, Платонъ, выступивъ, по возвращеніи изъ перваго сицилійскаго путешествія въ Аѳины (386—387 г. до Р. Хр.), въ качествѣ общественнаго учителя-философа, избралъ мѣстомъ своей дѣятельности Академію (гимназію)³⁾, какъ мѣсто, не только имѣвшее, подобно другимъ гимназіямъ, различныя приспособленія для многочисленныхъ собраний и бесѣдъ, но и наиболѣе посѣщаемое публікою. Къ предпочтенію Академіи другимъ общественнымъ мѣстамъ могли склонить Платона также отсутствіе городского шума и красота мѣстоноженія. По объясненію блаж. Іеронима, „Платонъ, чтобы имѣть возможность предаться философіи, избралъ Академію, помѣстье (*villam*), далекое отъ города и не только пустынное, но и заразительное; это для того, чтобы лѣченіе и частое повтореніе болѣзней уничтожало стремленіе къ сладострастію и чтобы ученики его не находили удовольствія ни въ чемъ, кромѣ того, чему учились“⁴⁾. Но это объясненіе имѣетъ явно искусственный характеръ и стоитъ, повидимому, въ связи съ аскетическими воззрѣніями блаж. Іеронима и съ встрѣчающимся у Эліана⁵⁾ преданіемъ, что мѣстность Академіи считалась нездоровою и что врачи совѣтовали Платону пересе-

¹⁾ *Plutarch. Kimon. 13; Aristophan. Nub. 1002—1009; см. Dicæarch. Fr. 59.*

²⁾ *Plin. Nat. Hist. XII, 1, 5.*

³⁾ *Diogen. Laert. III, 5, 7, 41; Ciceron. De finib. V, 12 и др.*

⁴⁾ Блаж. Іеронимъ. Противъ Іовианъ. кн. II; твор. его въ русск. пер. ч. 4. Киевъ, 1880, стр. 241.

⁵⁾ *Aelian Var. Hist. IX, 10.*

литься отсюда въ другое какое-либо мѣсто, но Платонъ отказался послѣдовать этому совѣту. Хотя въ настоящее время мѣстность эта, подобно многимъ другимъ мѣстамъ, подвергшимся запустѣнію, не можетъ быть названа здоровою и въ особенности предрасполагаетъ къ лихорадкамъ ¹⁾, но въ древности она была, безъ сомнѣнія, болѣе благопріятною для здоровья, какъ слѣдуетъ заключать изъ того, что здѣсь была устроена гимназія и что здѣсь же жили и достигли старости Платонъ, Ксенократъ, Полемонъ и др. Но въ позднѣйшее время своей жизни Платонъ, утомленный, можетъ быть, дѣятельностію общественнаго учителя и желая ограничить преподаваніе кругомъ наиболѣе близкихъ учениковъ, перенесъ мѣсто своего ученія изъ гимназіи въ купленный имъ садъ, находившійся на той же территоріи, которая носила названіе Академіи, подлѣ самой гимназіи академической, въ направленіи къ холму Колопу и не вдалекѣ отъ баины Тимона ²⁾, вслѣдствіе чего и садъ этотъ, слѣвавшійся наслѣдственнымъ владѣніемъ преемниковъ Платона, сталъ также называться Академіей ³⁾. Академіей называлась также школа Платона или основанное имъ научно-философское общество, ученіе Платона и его послѣдователей и самые послѣдователи этого ученія. Хотя общество это преслѣдовало собственно научно-

¹⁾ *Zumpt Ueber d. Bestand d. philosoph. Schulen in Athen* (Philolog. und histor. Abhandl. d. Königl. Akad. d. Wissensch. aus d. Jahr 1842), Berl. 1844, S. 38; *Huit Vie et l'oeuvre de Platon*, t. I, Par. 1893, p. 207.

²⁾ *Diog. Laert* III, 5; *Plutarch. De exil.* 10; *Cicer. De finib.* V, 1, 1—2. По сообщенію *Эліана* (Var. Hist. III, 19), Платонъ былъ вынужденъ Аристотелемъ, вслѣдствіе разногласій съ послѣднимъ, удалиться только на три мѣсяца изъ гимназіи въ свой садъ и послѣ того, благодаря содѣйствію Ксенократа, возвратился въ прежнее мѣсто ученія. Но это сообщеніе нигдѣ не находитъ подтвержденія и въ своихъ подробностяхъ ясно изобличаетъ вымышленный характеръ.

³⁾ Такъ, *Плутархъ* въ *De exil.* 10 прямо называетъ садъ Платона Академіей. „Академія“, говоритъ онъ, „была куплена за три тысячи драхмъ“ (около 730 рубл.).

философскія и общеобразовательныя цѣли, но юридически оно могло быть разсматриваемо, какъ религіозная ассоціація (ῥήσος), основанная на одномъ, общемъ для всѣхъ членовъ, культѣ, и именно культѣ Музъ, которыя считались покровительницами наукъ и искусствъ и поэтому чествовались преимущественно въ школахъ, подобно тому какъ культъ Гермеса совершался главнымъ образомъ въ гимназіяхъ и палестрахъ ¹⁾. Святилище Музъ (или Музей, Μουσείον) было устроено самимъ Платономъ, но, повидимому, не въ саду, какъ большею частью полагаютъ, а въ самой Академіи (гимназій) ²⁾. Въ этомъ святилищѣ преемникъ Платона, Спевзиппъ, поставилъ изображенія Харитъ, а персъ Митридатъ статую Платона, работы Силаніона ³⁾. Впослѣдствіи школою чествовался также самъ Платонъ, вѣроятно, какъ основатель школы (ἡρώς κτίστης), и въ 7 день Θаргеліона (въ маѣ мѣсяцѣ) праздновался день его рожденія. Выѣшнимъ, центральнымъ пунктомъ для школы служилъ садъ, въ которомъ жилъ и, повидимому, былъ похороненъ Платонъ ⁴⁾ и который, послѣ смерти Платона, составлялъ частное владѣніе школы и переходилъ пре-

¹⁾ Schomann Griech. Alterthum. II. Bd 3 Aufl. Berl. 1873, S. 526—527. — Въ Греціи почти каждое частное общество или ассоціація, какия бы цѣли оно ни преслѣдовало, основывалось обыкновенно на религіозныхъ началахъ и избирало какого-либо бога или героя своимъ покровителемъ или патрономъ, культъ котораго былъ общимъ для всѣхъ сочленовъ. Schomann op. cit. S. 541—543.

²⁾ Такъ слѣдуетъ заключать изъ Diog. Laert IV, 1 (ἐν Ἀκαδημίᾳ) и въ особенности изъ IV, 19, гдѣ говорится, что ученики Платона жили около сада въ небольшихъ хижинахъ или палаткахъ, построенныхъ ими близъ святилища музъ и аудиторіи (ἐκτεῖρας).

³⁾ Diog. Laert IV, 1; III, 25

⁴⁾ Это заключеніе основывается на свидѣтельствѣ Павзанія (I, 30, 3), по которому гробница Платона находилась не вдалекѣ отъ Академіи, и которому не противорѣчитъ Диогенъ Лаэртскій (III, 41), говоря, что Платонъ былъ похороненъ „въ Академіи“, потому что въ послѣднемъ случаѣ слово Академія слѣдуетъ понимать, по всей вѣроятности, въ широкомъ смыслѣ, со включеніемъ сада, подобно тому, какъ тотъ же Диогенъ въ другомъ мѣстѣ (III, 20) и Свидя (II, 2, p. 297) говорятъ о садѣ Платона, какъ о находившемся „въ Академіи“.

емственно отъ одного схолярха или главы ея къ другому¹⁾. Въ саду этомъ находились, безъ сомнѣнія, зданія, которыя могли служить жилищемъ для схолярховъ, и аудиторія для слушателей, потому что нѣкоторые схолярхи, подобно Платону въ послѣдніе годы его жизни, не только жили въ саду (какъ Ксенократъ, Полемонъ, Аркезилай и др.)²⁾, но и преподавали въ немъ³⁾. Но главная аудиторія или *экседра* находилась не въ саду Платона, а въ одномъ изъ портиковъ гимназіи, и именно подлѣ Музея или святилища Музъ⁴⁾. Здѣсь же, слѣдовательно, находилась большею частью самая школа и происходили научно-философскія бесѣды. Но нѣкоторые схолярхи не только преподавали, но и жили внѣ сада и гимназіи. Въ частности, о первомъ преемникѣ Платона, Спевзинѣ, извѣстно, что онъ, какъ человекъ болѣзненный и состоятельный, жилъ въ самыхъ Аѳинахъ, откуда для преподаванія ѣздилъ въ экинажѣ въ Академію⁵⁾. Преемникъ Аркезилая Лакидъ (241—215 г. до Р. Хр.) преподавалъ въ саду, который отъ его имени получилъ названіе Лакидея (*Λακίδαιον*) и былъ устроенъ въ Академіи пергамскимъ царемъ Атталомъ I⁶⁾; но неизвѣстно, служилъ ли Лакидей мѣстомъ

¹⁾ *Zumpt* op. cit. S. 33—34; *Zeller* Die Philos. d. Griech. II Th. 1 Abth. 3 Aufl. Lpz. 1875, S. 838.

²⁾ *Diog. Laert.* IV, 6, 19, 39; *Plutarch.* De exil. 10.

³⁾ Нѣкоторые, какъ *Константиниды* (op. cit. p. 3—4), полагаютъ, что садъ Платона служилъ лишь жилищемъ преемниковъ Платона, хотя самъ же Константиниды говоритъ (*ibid.* p. 5), что неоплатоникъ Присей (355 г. по Р. Хр.) преподавалъ философію въ саду Платона.

⁴⁾ *Diog. Laert.* IV, 19, 63; см. *Cicer.* De fin. V, 1, 2.—Экседрами (*ἐκσέδραι*) назывались собственно полукруглыя ниши портика въ гимназіяхъ, установленныя вокругъ сидѣльями и служившія большею частью для ученыхъ или философскихъ бесѣдъ, а также сводобразныя салоны въ частныхъ домахъ (въ родѣ нашихъ гостиныхъ) съ полукруглою стѣною и съ идущею кругомъ внутренней стороны ея скамьею для сидѣльи.

⁵⁾ *Diog. Laert.* IV, 3.

⁶⁾ *Ibid.* IV, 60.

для преподаванія только при Лакидѣ или также и въ послѣдующія времена. Неизвѣстно также, былъ ли это только возстановленный садъ Платона, или же другой, вновь устроенный и подаренный царемъ садъ, и были-ли въ немъ какія-либо зданія. Но во всякомъ случаѣ Карнеадъ (ум. въ 129 г. до Р. Хр.) и его ближайшіе преемники, не исключая Клитомеха, учили въ Академіи. Клитомехъ имѣлъ особую школу въ Палладіи, но училъ въ ней лишь до тѣхъ поръ, пока не сдѣлался преемникомъ Карнеада, послѣ чего снова возвратился въ Академію¹⁾. Во время осады Аѳинъ Суллою въ 86 г. до Р. Хр. Академія подверглась сильному опустошенію, и ея великолѣпныя деревья были, по приказанію Суллы, вырублены и употреблены на осадныя машины²⁾. Вслѣдствіе этого опустошенія академическая школа навсегда была перенесена, какъ обыкновенно полагаютъ, въ одну изъ городскихъ гимназій³⁾. Въ подтвержденіе этого ссылаются на Цицерона, который слушалъ академика Антіоха Аскалонскаго (въ 79 г. до Р. Хр.) въ гимназіи, носившей названіе Птоломеев (Πτολεμαίων)⁴⁾ по имени своего основателя Птолемея II Филадельфа, и находившейся въ самыхъ Аѳинахъ, близъ Агоры. Но это мнѣніе едва ли можно признать основательнымъ. Хотя Цицеронъ слушалъ философскія бесѣды Антіоха въ Птоломеевой гимназіи, но въ то же время онъ гулялъ и бесѣдовалъ съ своими друзьями „въ Академіи“, и именно въ послѣполуденное время, когда *is locus ab omni turba vacuus esset*⁵⁾. Отсюда ясно, что Академія вскорѣ послѣ упомянутой войны была приведена болѣе или менѣе въ прежній видъ и снова посѣщалась многочисленною публикою (*turba*). Что же ка-

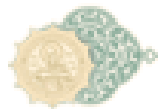
¹⁾ Wachsmuth op. cit. I, S. 636.

²⁾ Plutarch. Sull. 12.

³⁾ Zumpt. S. 38 и др.

⁴⁾ Cicero, De finib. V, 1: cum audissem Antiochum in eo gymnasio, quod Ptolemaeum vocatur.

⁵⁾ Cicero. ibid.

сается перенесенія преподаванія Антиохомъ въ одну изъ городскихъ гимназій, то оно могло стоять въ связи съ утвердившимся въ то время среди философовъ обычаемъ преподавать, кромѣ главныхъ школьныхъ помѣщеній, также въ другихъ мѣстахъ, представлявшихъ удобства для философскихъ бесѣдъ ¹⁾, и во всякомъ случаѣ было только временнымъ. Это видно какъ изъ того, что эта гимназія не служила помѣщеніемъ для одной какой-либо школы, — въ ней преподавали представители различныхъ школъ ²⁾, — такъ въ особенности изъ свидѣтельства Горация, который говоритъ, что Аѳины дали ему возможность „искать истины въ роуѣ Академа“ (*inter silvas Academi quaerere verum*) ³⁾, т. е. слушать философію въ Академіи. Очевидно, что во время пребыванія Горация въ Аѳинахъ (45—42 г. до Р. Хр.) преподаваніе философіи велось въ самой Академіи, гдѣ училъ въ то время (вѣроятно, до 43 г.) Теофрастъ ⁴⁾. Но въ послѣдующія времена хотя немало было философовъ, называвшихся академиками или платониками, но наиболѣе значительные изъ нихъ не учили въ Академіи и жили внѣ предѣловъ Греціи. Также неоплатонизмъ возникъ внѣ ея, и только спустя много времени онъ утвердился чрезъ Плутарха Аѳинскаго (около 400 г. по Р. Хр.) въ Аѳинской Академіи и господствовалъ въ ней до самаго закрытія ея (529 г. по Р. Хр.) ⁵⁾.

2. *Универсальный характеръ философіи Платона.—Различные направленія въ Академіи послѣ Платона.—Методъ преподаванія въ Академіи.—Время занятій.*

Хотя Академія была школой философской, но въ ней не ограничивались изученіемъ того, что мы называемъ собствен-

¹⁾ Wachsmuth S. 634.

²⁾ Ibid.

³⁾ Horat. Epist. II, 2, 45.

⁴⁾ Plutarch. Brut. 24.

⁵⁾ Константинопольскій (ор. cit. p. 5) полагаетъ, что со времени неоплатоника Плутарха Аѳинскаго до закрытія Академіи центральнымъ мѣстомъ ученія
Подготовлено Киевской Духовной Академіей и Семинаріей,
<http://kdais.kiev.ua>

по философiей. Какъ видно изъ сочиненiй Платона и его учениковъ и ближайшихъ преемниковъ, изученіе въ Академіи простиралось на самыя разнообразныя области науки и искусства: на математику, астрономію, литературу, политику, естествовѣдѣніе, музыку и др. Непосредственно изъ школы Платона вышли многія весьма важныя математическія и астрономическія изслѣдованія. Также первоисточникъ глубокихъ и многостороннихъ политическихъ, литературныхъ и даже естественно-научныхъ изслѣдованій Аристотеля и его школы слѣдуетъ искать въ Академіи ¹⁾. Но изученіе въ Академіи имѣло своимъ предметомъ не опредѣленныя какія-либо науки или искусства, а абсолютную истину, центръ, въ которомъ сходятся всѣ знанія человѣческія, какъ лучи солнца въ фокусъ зеркала,—она имѣла въ виду не самыя знанія, входящія въ область той или другой науки, а методы и приемы для опредѣленія истины и раскрытіе самаго понятія о знаніи. Философія Платона обнимала всѣ почти современныя ей знанія, но пользовалась ими собственно лишь какъ точкою исхода, необходимымъ основаніемъ и матеріаломъ, и сводила ихъ къ единству. Здѣсь, такимъ образомъ, мы видимъ первый примѣръ той организаціи научной работы, которая въ болѣе полномъ видѣ нашла примѣненіе въ позднѣйшихъ академіяхъ и университетахъ.

Но на этой высотѣ Академія стояла лишь при Платонѣ и его ближайшихъ преемникахъ ²⁾. У Спевзиппа (347—339 г.), Ксенократа (339—314), Филиппа Опунтскаго, Гераклида и Евдокса еще отражается болѣе или менѣе эта универсальность, нашедшая наиболѣе полное выраженіе у Аристотеля,—у лицъ, бывшихъ учениками Платона и еще при жизни его

служилъ, вслѣдствіе малочисленности учениковъ и по причинѣ непріязненнаго отношенія постоянно увеличивавшейся христіанской общины въ Афинахъ, домъ схоларха въ самыхъ Афинахъ, близъ Акрополя.

¹⁾ Такъ, комикъ *Эпикратъ* (*Athen. Dipnosopist.* II, 54 d.) говоритъ, что Платонъ и его ученики занимались въ школѣ классификаціей растений.

²⁾ *Ред. Подготовлено Киевской Духовной Академіей и Семинаріей,*
<http://kdais.kiev.ua>

выступавшихъ въ качествѣ самостоятельныхъ изслѣдователей. Но уже Полемонъ, бывший главою школы въ 314—270 г., сотоварищъ его Кранторъ и преемникъ Полемона Кратесъ, уступая духу времени, допустили нѣкотораго рода односторонность и выдвинули на первый планъ моральную философію. Съ преемникомъ же Кратеса, Аркезилаемъ, умершимъ въ 241 г., Академія, подъ вліяніемъ Пиррона, еще болѣе отклонилась отъ древнихъ традицій и обратилась къ радикальному скепсису. Обыкновенно обозначаютъ школу Платона и его преемниковъ, кончая Кратесомъ, именемъ *старой* Академіи, Аркезилая съ его преемниками Лакидомъ, Телекломъ, Эвандромъ и Гегезиномъ (приблизительно по 156 г.)—именемъ *средней*, Карпеада (ум. въ 129 г.), дополнившаго и смягчившаго скепсисъ Аркезилая чрезъ тонко проведенную теорію вѣроятности, и его учениковъ, изъ которыхъ наиболѣе извѣстнымъ былъ Клитомасъ (съ 129 г.),—именемъ *новой*. Нѣкоторые признаютъ еще *четвертую* Академію, относя къ ней Филона Ларисскаго (ок. 109—83 г.) съ его послѣдователями, отступившаго отъ скепсиса и приблизившагося къ эклектизму, и *пятую*, основанную Антиохомъ Аскалонскимъ (ок. 83—69 г.), который пошелъ въ этомъ направленіи далѣе, стараясь примирить принципы перипатетической и стоической школы съ философіей Платона, и составляющую переходную ступень къ *неоплатонизму*, въ которомъ еще болѣе обнаруживается эклектизмъ и въ которомъ преобладающее значеніе получили пифагорейскія воззрѣнія и восточныя вѣрованія. Но эти дѣленія сравнительно новой даты. Болѣе древнимъ слѣдуетъ признать дѣленіе на двѣ Академіи. Такъ, Цицеронъ¹⁾ и Теренцій Варронъ²⁾ признаютъ только двѣ Академіи: *старую* Академію Платона, и *новую*, основанную Аркезилаемъ.

¹⁾ Cicero. De orat. III, 18, 67—68; Acad. I, 4 13; De finib. V, 3, 7.

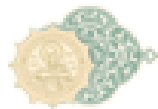
²⁾ In Augustini De civit. Dei XIX, 1. 3.

Преподаваніе въ Академіи велось въ формѣ живого, устнаго слова. Древнимъ школамъ былъ чуждъ обычай чтенія заранѣе написанныхъ лекцій по тетрадиямъ. Относительно же самаго метода, котораго держались Платонъ и его преемники въ преподаваніи, мы не имѣемъ опредѣленныхъ свѣдѣній. Но уже то обстоятельство, что Платонъ въ теченіе долгаго времени былъ слушателемъ Сократа, даетъ основаніе заключать, что діалектическій способъ ученія Сократа долженъ былъ болѣе или менѣе отразиться на преподаваніи его великаго ученика. Если же мы примемъ во вниманіе, говорить Целлеръ, то, какъ рѣшительно Платонъ высказывался (въ Протагорѣ и Горгіи) противъ ораторовъ (софистовъ), говорящихъ длинныя рѣчи и не умѣющихъ ни ставить вопросы, ни давать отвѣты, и какъ мало значенія онъ придавалъ (въ Федрѣ) письменному изложенію, доступному для всякаго рода непониманія и злоупотребленій, сравнительно съ живымъ, личнымъ воздѣйствіемъ путемъ научнаго діалога, и если обратимъ вниманіе на тотъ фактъ, что онъ также для собственныхъ своихъ сочиненій поставилъ правиломъ діалогическое развитіе мыслей, то едва ли мы можемъ сомнѣваться въ томъ, что онъ оставался вѣренъ этимъ принципамъ также и въ устномъ преподаваніи¹⁾. Подтвержденіе этого можно видѣть въ одномъ изъ рассказовъ Эліана, который говоритъ, что Ксенократъ, послѣ удаленія Платона изъ гимназіи, засталъ его въ своемъ саду ведущимъ разговоръ или бесѣду (*διαλεγόμενον*) съ своими учениками, при чемъ самую рѣчь Платона съ учениками называетъ бесѣдою или собесѣдованіемъ (*δμιλία*)²⁾. Къ тому же заключенію приводитъ указаніе Эліана, что Платонъ гулялъ или ходилъ съ своими учениками въ саду³⁾, потому что, гуляя вмѣстѣ съ другими,

¹⁾ Zeller Philos. d. Griech. II, 1, 3 Aufl. S. 361—362.

²⁾ Aelian. Var. Hist. III, 19.

³⁾ Ibid.

трудно и почти невозможно вести длинную, непрерывную рѣчь. Наконецъ, въ пользу діалогическаго способа преподаванія Платона можетъ свидѣтельствовать то, высказываемое нѣкоторыми учеными¹⁾, предположеніе, что дошедшіе до насъ діалоги его (если не всѣ, то нѣкоторые) служатъ болѣе или менѣе воспроизведеніемъ или переработкою тѣхъ устныхъ бесѣдъ, которыя велъ онъ съ своими учениками и которыя письменно изложилъ для болѣе вѣрнаго сохраненія ихъ въ памяти учениковъ и въ пособіе имъ на будущее время при изученіи философіи. Такимъ образомъ слѣдуетъ предполагать, что преподаваніе Платона не ограничивалось сухимъ, догматическимъ изложеніемъ предмета, но происходило болѣе или менѣе при живомъ, личномъ участіи учениковъ. Но, съ другой стороны, у позднѣйшихъ писателей (у Симплиція и Аристоксена) есть указанія на рѣчь о благѣ (*περὶ τἀγαθόν*), относящуюся къ позднѣйшимъ годамъ жизни Платона и записанную и изданную Аристотелемъ (или, по крайней мѣрѣ, бывшую въ его распоряженіи); самъ Аристотель указываетъ на рѣчи Платона „о философіи“ (*τὰ περὶ φιλοσοφίας λεγόμενα*), которыя, судя по ихъ предмету и въ особенности по тѣмъ названіямъ, которыя даются имъ Аристоксеномъ и Симплиціемъ (*ἀκρόασις, λόγοι, συνουσίαι*), не были разговорами, но, по крайней мѣрѣ въ существенной своей части, имѣли видъ связныхъ, непрерывныхъ рѣчей²⁾. Также нѣкоторыя части системы Платона имѣютъ такой характеръ, что едва ли онѣ могли быть изложены въ формѣ разговора или бесѣды. Поэтому слѣдуетъ полагать, что Платонъ, смотря по обстоятельствамъ, пользовался при преподаваніи то Сократическимъ или діалогическимъ методомъ, то акроаматическимъ, который въ осо-

¹⁾ *Huit*, *Vie et l'oeuvre de Platon*, t. I, p. 229—230; *Zeller*, *Philos. d. Griech.* II, 1, 3 Aufl. S. 362—363.

²⁾ *Zeller*, *op. cit.* S. 362; *Grasberger* *Erzieh. und Unterricht im klass. Altert.* III Th. Würzb. 1881, S. 383, 434.

бенности могъ имѣть примѣненіе въ послѣдніе годы жизни философа, когда ему, уже вслѣдствіе своего возраста, трудно было поддерживать научный разговоръ съ прежнею живостью и энергіей и когда онъ долженъ былъ, по всей вѣроятности, чувствовать потребность—изложить въ болѣе или менѣе систематическомъ видѣ результаты своихъ многолѣтнихъ размышленій и изслѣдованій и имѣлъ предъ собою, въ лицѣ своихъ постоянныхъ слушателей, контингентъ лицъ, достаточно подготовленныхъ къ тому, чтобы выслушать эти результаты въ формѣ догматической рѣчи¹⁾.

Примѣру Платона болѣе или менѣе слѣдовали въ преподаваніи и его ближайшіе преемники, при чемъ одни изъ нихъ болѣе склонялись къ акроаматическому методу, а другіе болѣе слѣдовали діалогической или собесѣдовательной формѣ изложенія, хотя преобладающимъ методомъ былъ акроаматическій. Такъ, Діогенъ Лаэртскій сообщаетъ, что когда Полемонъ, послѣ ночной попойки, съ шумомъ ворвался въ Академію, то бывший въ то время схолархомъ Ксенократъ не смутился и спокойно продолжалъ начатую имъ рѣчь о благо-разуміи или воздержаніи (*τὸν λόγον περὶ σωφροσύνης*), и эта рѣчь оказала столь сильное вліяніе на Полемона, что онъ сдѣлался самымъ усерднымъ ученикомъ Ксенократа и затѣмъ его преемникомъ²⁾. По Валерію Максиму дѣло было нѣсколько иначе: Ксенократъ, нисколько не смутившись шумнымъ

¹⁾ До временъ Шлейермахера имѣло широкое распространеніе мнѣніе, будто сочиненія Платона не даютъ истиннаго образа системы его и что онъ сущность своего ученія скрывалъ отъ большинства своихъ слушателей, посвящая въ нее лишь наиболѣе довѣренныхъ изъ своихъ учениковъ. Но въ настоящее время это мнѣніе почти вѣсьма признается несостоятельнымъ (*Huit*, op. cit. p. 245—252). Несомнѣннымъ можно признать лишь то, что Платонъ при преподаваніи примѣнялся къ степени подготовленности своихъ слушателей и поэтому не все то, что излагалъ предъ ближайшими своими учениками, могъ излагать предъ случайными или временными слушателями.

²⁾ *Diog. Laert.* IV, 16.

вторженіемъ Полемона, *оставилъ* то, о чемъ прежде трактовалъ, и *началъ* говорить объ умѣренности и воздержаніи¹⁾, имѣя, очевидно, въ виду произвести воздѣйствіе на Полемона. Оба эти разсказа ясно указываютъ на практиковавшійся Ксенократомъ акроаматическій методъ преподаванія, по второй изъ разсказовъ даетъ основаніе заключать, что преподаватели Академіи не оставляли безъ вниманія практическихъ требованій и сообразовались, при выборѣ предмета рѣчи, съ обстоятельствами времени или потребностями своихъ слушателей. Замѣчаніе же Діогена Лаэртскаго относительно Полемона, что онъ „говорилъ на поставленные вопросы (ἐλάτρε πρὸς τὰς θέσεις) не сидя, а гуляя²⁾“, указываетъ, повидимому, на то, что Полемонъ слѣдовалъ діалогическому или собесѣдовательному способу, отступая отъ болѣе обычнаго, акроаматическаго способа преподаванія. Подобно Полемону и Кранторъ преподавалъ философію, гуляя³⁾. Значительное измѣненіе въ приѣмахъ преподаванія ввелъ въ Академіи Аркезилай. Онъ, по словамъ Цицерона, не только возобновилъ въ Академіи методъ Сократа, испытываніемъ и вопросами обыкновенно вынуждавшаго высказывать свои мнѣнія тѣхъ, съ которыми бесѣдовалъ, чтобы по поводу ихъ отвѣтовъ высказывать свои соображенія, но и поставилъ правиломъ, чтобы желавшіе его слушать не его слушали, а сами бы высказывали свои взгляды; послѣ того, какъ они высказывались, онъ опровергалъ ихъ, слушатели же защищали свое мнѣніе, пока были въ состояніи. Но до Аркезилая и въ позднѣйшія времена, продолжаетъ Цицеронъ, въ Академіи было обычнымъ, что тотъ, кто предложилъ вопросъ, молчалъ, и учитель въ непрерывной рѣчи излагалъ то, что должно было служить къ

¹⁾ Valer. Maxim. Fact. et dict. memorab. VI, 9 (ed. Kempf, Lips. 1888, p. 31): omissa re, quam diserebat, de modestia ac temperantia loqui coepit.

²⁾ Diog. Laert. IV, 19.

³⁾ Ibid. IV, 24.

рѣшенію предложеннаго вопроса ¹⁾, хотя этимъ не исключалась, безъ сомнѣнія, возможность предложенія со стороны слушателей другихъ вопросовъ, имѣющихъ цѣлью разъясненіе какихъ-либо недоразумѣній. Впослѣдствіи, по мѣрѣ того, какъ угасалъ духъ самостоятельнаго изслѣдованія, среди преподавателей Академіи все болѣе развивался обычай чтенія съ учениками и объясненія сочиненій Платона и Аристотеля, причемъ ученики могли обращаться съ вопросами къ учителю по поводу прочитаннаго или изложеннаго имъ, а иногда и самъ учитель обращался съ вопросомъ къ кому-либо изъ учениковъ и дѣлалъ на высказанное послѣднимъ свои замѣчанія и разъясненія. Такого способа преподаванія держались, напр., Кальвисій Тавръ и неоплатоникъ Плутархъ ²⁾. Иногда учитель, по окончаніи общихъ занятій, оставлялъ у себя нѣкоторыхъ учениковъ для частной бесѣды ³⁾. Во время преподаванія учитель обыкновенно сидѣлъ или же,—что встрѣчается гораздо рѣже,—ходилъ предъ сидящими на скамьяхъ въ экседрахъ учениками; но иногда также и ученики ходили или гуляли вмѣстѣ съ учителемъ, слушая его или бесѣдуя съ нимъ, какъ это видно изъ вышеприведенныхъ нами примѣровъ. Среди учениковъ существовалъ обычай записывать во время самаго слушанія или по окончаніи учебныхъ занятій и по приходѣ домой содержаніе того, что излагалось учителемъ. Эти ученическія записи извѣстны подъ именемъ

¹⁾ *Cicer. De finib. V, 1, 2; см. Diog. Laert IV, 28 et 42.*—Методъ преподаванія, введенный въ Академіи Аргевилаемъ, напоминаетъ такъ называемыя *disputationes*, господствовавшія въ средніе вѣка въ философскихъ аудиторіяхъ и происходившія не только между профессоромъ и его слушателями, но также между одними слушателями въ присутствіи и подъ руководствомъ профессора (*Huit, I, p. 227*). Подобнаго рода диспуты происходили и въ нашей старой Киевской Академіи.

²⁾ *Gell. Noct. Att. I, 26; XVII, 8, 20; XIX, 6; Zeller, Philos. d. Griech III, 2, 2 Aufl. S. 67c.*

³⁾ *Gell. II, 2.*

ὑπομνήματα. Такъ, Аристотель имѣлъ записанную рѣчь Платона о благѣ (περὶ τἀγαθοῦ) ¹⁾.

Что касается времени начала и окончанія занятій въ Академіи, то оно опредѣлялось общимъ, существовавшимъ въ Аѳинахъ, закономъ, по которому учебныя занятія въ школахъ должны были начинаться не ранѣе разсвѣта и оканчиваться не позже времени захожденія солнца ²⁾. Въ частности, въ Академіи занятія начинались съ ранняго утра и продолжались до захожденія солнца съ небольшимъ перерывомъ (около часа) послѣ полудня, такъ что они дѣлились на утреннія (до полудня) и вечернія или послѣполуденныя ³⁾. Такъ, когда Полемонъ, возвращаясь послѣ восхода солнца съ ночной попойки, зашелъ къ Академической школѣ, то засталъ въ ней Ксенократа уже занимающимся съ своими учениками ⁴⁾. Но иногда занятія въ Академіи продолжались, повидимому, лишь до полудня, какъ слѣдуетъ заключать изъ того факта, что Цицеронъ слушалъ въ 79 г. Антиоха Аскалонскаго, бывшаго въ то время главою или схолярхомъ Академіи и преподававшаго философію въ Птоломеевой гимназіи, лишь до полудня, а въ послѣполуденное время гулялъ и бесѣдовалъ съ своими друзьями въ Академіи, которая въ это время свободна была отъ публики ⁵⁾. Если въ какой-либо изъ учебныхъ дней схолярхъ по болѣзни или по другой какой-либо причинѣ не могъ преподавать въ школѣ, то писалось большими буквами объявленіе объ этомъ (τῆμερον οὐ συνήλθε σοφῆν) и вывѣшивалось надъ входомъ въ школу ⁶⁾.

¹⁾ Κωνσταντίνιδης, op. cit. p. 7; Grasberger, op. cit. S 383, 434

²⁾ Sehomann, Griech. Alterth. I Bd. 3 Aufl. S. 538.

³⁾ Κωνσταντίνιδης, op. cit. p. 12.

⁴⁾ Valer. Maxim. VI, 9; Diog. Laert. V, 16.

⁵⁾ Cicer. De finib. V, 1, 1.

⁶⁾ Κωνσταντίνιδης, op. cit. p. 12.

3. *Преподаватели Академіи.*—*Постоянные ученики и вѣременные слушатели и слушательницы.*—*Пріемъ учениковъ.*—*Плата за ученіе.*—*Школьная дисциплина.*—*Взаимнообщеніе учащихся и учащихся.*—*Академическіе обѣды или пиршества (симпосіи).*—*Матеріальное положеніе учениковъ.*

Преподаваніе въ Академіи велось, послѣ Платона, его преемниками, схолярхами, которые были главными руководителями и начальниками школы. Но рядомъ съ схолярхомъ, по его избранію, нерѣдко выступали въ качествѣ учителей также нѣкоторые изъ наиболѣе выдававшихся по своимъ способностямъ и успѣхамъ учениковъ, которые служили какъ бы помощниками или ассистентами схолярха и могли въ нѣкоторыхъ случаяхъ замѣнять его. Такъ, Платонъ имѣлъ помощниковъ въ лицѣ Спевзиппа и Менедема. Слѣдуетъ предполагать, что преподаваніе не прерывалось также во время случайныхъ отсутствій начальниковъ школы или въ случаѣ продолжительной болѣзни ихъ, какъ, напр., во время двухъ послѣднихъ путешествій Платона въ Сицилію ¹⁾. О Кранторѣ извѣстно, что онъ, слушая Полемона, какъ схолярха, въ то же время и самъ преподавалъ въ Академіи (σοφολάζων). Когда онъ, вслѣдствіе болѣзни, отпраздничалъ въ храмѣ Эскулапа, то къ нему отовсюду собрались ученики, полагая, что онъ удалился сюда не по причинѣ болѣзни, а потому, что хотѣлъ основать новую школу. Но Кранторъ, какъ только выздоровѣлъ, снова возвратился въ Академію и продолжалъ слушать Полемона ²⁾. Также Клитомасъ до самой старости (usque ad senectutem) жилъ вмѣстѣ съ Карнеадомъ ³⁾, т. е. былъ его ученикомъ и, по всей вѣроятности,

¹⁾ См. Gomperz, Griech. Denker, II Bd. Lpz. 1899, S. 222.

²⁾ Diogen. Laert. IV, 24.

³⁾ Cicer. Academ. II, 31, 98.

сти, помощникомъ въ преподаваніи, пока не сдѣдался преемникомъ его. Даже честолюбіе стать во главѣ школы или открыть новую подчинялось большею частью общимъ интересамъ, и многіе изъ учениковъ, специально посвящавшихъ себя философіи, на всю жизнь оставались въ школѣ, слушая схо- ларховъ, а нѣкоторые, сверхъ того, помогая имъ въ преподаваніи и завѣдываніи школою. Но такого рода ученики въ общей массѣ составляли незначительную часть; большинство же состояло изъ временныхъ слушателей, и именно изъ молодыхъ людей, стремившихся лишь къ общему образованію и смотрѣвшихъ на изученіе философіи, какъ на средство приготовления къ общественной дѣятельности, а потому ограничивавшихся посѣщеніемъ школы въ продолженіе лишь немногихъ (2—8) лѣтъ. Были иногда и случайные слушатели, изъ которыхъ нѣкоторые являлись въ школу не столько ради серіозныхъ цѣлей, сколько ради удовлетворенія празднаго любопытства, какъ показываетъ это извѣстный случай вторженія цѣлой толпы народа въ аудиторію Платона ¹⁾. Въ общемъ составъ слушателей Платона и его преемниковъ былъ весьма разнообразенъ. Среди нихъ находилось не столько аѳинянъ, сколько иностранцевъ, пріѣзжавшихъ изъ странъ, находившихся подъ культурнымъ вліяніемъ Греціи. Между слушателями встрѣчались также женщины. Въ біографіи Платона, принадлежащей Олимпіодору, говорится, что онъ привлекъ къ учению весьма многихъ мужчинъ и женщинъ, которыя для того, чтобы слушать его, одѣвались въ мужской костюмъ. Но изъ всѣхъ этихъ женщинъ намъ извѣстны имена лишь двухъ: Ласееніи изъ Мантинеи (въ Аркадіи) и Аксіооеніи изъ Фліунта (въ Пелопонесѣ), о которыхъ Діогенъ Лаэртскій говоритъ, что онѣ слушали Платона и его преемника, Спевзиппа, и что послѣдняя, по свидѣтельству Дике-

¹⁾ Huit, op. cit. I, p. 239; Zeller, II, 1, 363.

арха, носила мужской костюмъ ¹⁾. Ласвенія, по выходѣ изъ Академіи, даже занималась преподаваніемъ философіи ²⁾.

Доступъ въ Академію первоначально былъ, повидимому, свободнымъ для всѣхъ желающихъ. Къ такому заключенію приводитъ уже то обстоятельство, что преподаваніе происходило большею частью въ гимназіи, которая, подобно другимъ публичнымъ мѣстамъ, была открыта для всѣхъ гражданъ. Поэтому мы видимъ, что на бесѣды Платона собирались иногда цѣлыя толпы случайныхъ, праздныхъ слушателей, которые также безцеремонно, цѣлыми толпами оставляли аудиторию, когда убѣждались, что философія для нихъ, какъ совершенно неподготовленныхъ къ слушанію ея, не представляла никакого интереса ³⁾. Но лица, посвящавшія себя серіозному и болѣе или менѣе продолжительному изученію философіи, вступали въ Академію, безъ сомнѣнія, послѣ предварительной научной подготовки. Такъ, извѣстно, что Кранторъ началъ слушать философію у Ксенократа послѣ того, какъ получилъ почетную извѣстность въ своемъ родномъ городѣ, Солахъ (въ Киликіи) ⁴⁾. Клитоммахъ сдѣлался ученикомъ Карнеада послѣ предварительнаго тщательнаго изученія философіи у себя на родинѣ, въ Кареагенѣ ⁵⁾. Римскіе юноши отправлялись въ Аѳины для изученія философіи, воспользовавшись предварительно тѣми научными средствами, которыми располагали Римъ и другіе культурные пункты

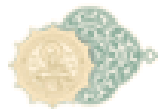
¹⁾ *Diog. Laert.* III, 46; IV, 2; см. *Athen. Dipnosoph.* VII, 279, в; XII, 546, d. Въ древности среди женщинъ очень распространено было стремленіе къ изученію философіи. Жиль Менажъ (*Aegidius Menagius*) въ своей „*Historia mulierum philosopharum*“ приводитъ имена 65 женщинъ-философовъ. Что касается ношенія мужскаго костюма, то оно было очень распространено въ средніе вѣка въ Італіи среди ученыхъ женщинъ и, въ частности, среди тѣхъ изъ нихъ, которыя занимали катедры въ университетахъ. См. *Grashberger*, *op. cit.* S. 519—520.

²⁾ *Diog. Laert.* IV, 2.

³⁾ *Huit*, *op. cit.* p. 239; *Zeller*, II, 1, 363.

⁴⁾ *Diog. Laert.* IV, 24.

⁵⁾ *Diog. Laert.* IV, 67.

Италіи. Академія, такимъ образомъ, служила высшимъ учебнымъ заведеніемъ для лицъ, искавшихъ завершенія своего научнаго образованія и наилучшаго подготовленія къ общественной дѣятельности. Въ нѣкоторыхъ изъ писемъ, приписываемыхъ Платону, въ особенности же въ VІІ книгѣ его „Политики“ и въ свидѣтельствахъ нѣкоторыхъ древнихъ писателей ¹⁾ встрѣчаются указанія, приводящія къ заключенію, что при пріемѣ учениковъ соблюдались слѣдующія условія: а) никто не былъ принимаемъ въ ученики Академіи ранѣе достиженія 30-го или, по крайней мѣрѣ, 25-го года жизни; б) схолярхъ убѣждалъ приходящаго ученика, прежде чѣмъ принять его въ школу, въ необходимости особаго усердія для изученія философіи и указывалъ на тѣ трудности, съ которыми долженъ бороться всякій, приступающій къ изученію ея; в) остающійся твердымъ и непреклоннымъ въ своемъ рѣшеніи подвергался послѣ этого извѣстнаго рода практическому испытанію, состоявшему въ рѣшеніи нѣкоторыхъ задачъ, относящихся къ музыкѣ, астрономіи и математикѣ. Но исторія Академіи не представляетъ данныхъ, могущихъ служить подтвержденіемъ этихъ указаній. Это слѣдуетъ сказать, по крайней мѣрѣ, о первыхъ двухъ изъ приведенныхъ условій, которыя если, дѣйствительно, соблюдались, то во всякомъ случаѣ не во все время существованія Академіи. Что же касается третьяго условія, то въ пользу его можетъ свидѣтельствовать какъ самая необходимость пропедевтическихъ знаній для изученія философіи, такъ то особое значеніе, какое въ Академіи всегда придавалось математикѣ.

Преподаваніе въ Академіи первоначально было бесплатнымъ. Что Платонъ, подобно своему великому учителю, Сократу, и въ противоположность софистамъ, учившимъ лишь за плату, не требовалъ никакой платы за преподаваніе отъ

1) См. Кωυσταττινίδης, р. 8--9.

своихъ учениковъ, это мы должны признать несомнѣннымъ какъ на основаніи общихъ воззрѣній его, такъ въслѣдствіе прямого свидѣтельства Діогена Лаэртскаго ¹⁾, и если онъ не отказывался въ нѣкоторыхъ случаяхъ отъ вспомошествованій или даровъ со стороны нѣкоторыхъ изъ состоятельныхъ своихъ друзей ²⁾, то отсюда, какъ говоритъ Целлеръ ³⁾, еще нельзя заключать, что подобнаго рода добровольные дары были обычными въ Академіи. Хотя первый преемникъ Платона, Спевзиппъ, судя по упрекамъ Діонисія Младшаго ⁴⁾, требовалъ плату со всѣхъ слушателей, желавшихъ и не желавшихъ платить, но основательность этихъ упрековъ, какъ принадлежащихъ непримиримому врагу Спевзиппа и ничѣмъ не подтверждаемыхъ, подлежитъ сомнѣнію, и если это нововведеніе, дѣйствительно, имѣло мѣсто, то оно, повидимому, не сразу вошло въ обычную практику Академіи. Такъ, преемникъ Спевзиппа, Ксенократъ, повидимому, не требовалъ платы съ своихъ слушателей, какъ даетъ основаніе заключать выше упомянутый случай посѣщенія Академіи Полемономъ, безпрятственно выслушавшимъ философскую бесѣду этого схоларха. Взиманіе платы съ слушателей установилось въ Академіи, по всей вѣроятности, лишь со времени Антіоха Аскалонскаго (83—68 г. до Р. Хр.) или его предшественника, Филона Ларисскаго, при чемъ размѣръ платы былъ различенъ и опредѣлялся взаимнымъ соглашеніемъ учителя съ каждымъ изъ учениковъ; бѣдные же ученики обыкновенно освобождались отъ платы ⁵⁾. Но и съ состоятельныхъ учени-

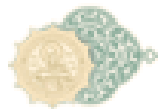
¹⁾ *Diog. Laert.* IV, 2.

²⁾ Такъ, нѣкоторые изъ древнихъ писателей говорятъ, что садъ для Платона былъ купленъ на деньги, присланныя Аничеромъ или Діономъ (*Diog. Laert.* II, 20), и что Платонъ получалъ отъ Діона средства для приобретенія пивго-рейскихъ сочиненій Филолая (*Diog. L.* III, 9; *Gell.* III, 17).

³⁾ *Zeller, Philos. d. Griech.* II, 1, S. 364.

⁴⁾ *Diog. Laert.* IV, 2.

⁵⁾ *Κωυστατινίδης*, p. 14; *Grasberger*, III, S. 391—395.

ковъ не всегда взималась плата въ Академіи. Такъ, съ IV в. по Р. Хр. и до самаго закрытія Академической школы (529 г.) преподаваніе, какъ полагаетъ Константинидисъ ¹⁾, было безплатнымъ.

Въ Академіи со временъ Платона слушатели подчинялись, безъ сомнѣнія, извѣстнаго рода дисциплинѣ. Такъ, по словамъ Эліана, въ Академіи не позволялось даже смѣяться, потому что старались преградить въ нее доступъ надменности и легкомыслію ²⁾. Но слова эти нельзя понимать въ узкомъ смыслѣ уже потому, что самъ Эліанъ указываетъ на манеру Платона говорить съ нѣкотораго рода улыбкою ³⁾. Они указываютъ, безъ сомнѣнія, лишь на ту серіозность и нравственную строгость, которая господствовала вообще въ Академіи и, въ частности, въ часы занятій. Подтвержденіемъ этого можетъ служить тотъ, сообщаемый Валеріемъ Максимомъ, фактъ, что когда Полемонъ, не будучи еще ученикомъ Академіи, вошелъ, послѣ попойки, въ Академію и сѣлъ съ свойственною человѣку, находящемуся въ состояніи опьянѣнія, развязностію среди слушателей Ксенократа, какъ бы насмѣхаясь надъ его философскою бесѣдою, то не только ни въ комъ не встрѣтилъ сочувствія, но, наоборотъ, вызвалъ всеобщее негодованіе ⁴⁾. Въ Академіи существовали даже письменные законы или правила, которые были составлены Ксенократомъ и которыми регулировался внѣшній порядокъ. По этимъ правиламъ, между прочимъ, на каждые 10 дней избирался изъ числа слушателей особый распорядитель (ἀρχωνъ) ⁵⁾. Были избираемы, въ помощь схолаху, также особые лица для завѣдыванія жертвоприношеніями и общими праздничными

¹⁾ Κωνσταντίνου δ' ης, р. 15.

²⁾ Aelian. III. 35.

³⁾ Ibid. IV, 9.

⁴⁾ Valer. Maxim. VI, 9.

⁵⁾ Diog. Laert. V, 4; Athen. I, 3, f; V, 186, b

Академическими пиршествами или обѣдами (*συνήθεια*), которые устроались во дни Академическихъ праздниковъ, какъ праздники Музъ, день рожденія Платона и проч., или по особымъ какимъ-либо случаямъ, и служили однимъ изъ главныхъ воспитательныхъ средствъ, способствуя, съ одной стороны, поддержанію и укрѣпленію тѣсной духовной связи между учителемъ и учениками, а съ другой—объединенію учениковъ и развитію дружественныхъ отношеній между ними. Здѣсь исчезало различіе между начальствующими и подчиненными, и все члены школы являлись единою, нераздѣльною духовною семьей. Но къ участию въ пиршествахъ иногда приглашались, кромѣ учениковъ школы, также лица, выдававшіяся по своему общественному положенію или находившіяся въ особенно близкихъ отношеніяхъ къ схоларху. Пиршества эти, существовавшія уже во времена Платона ¹⁾, разнообразились шутками и разнаго рода развлеченіями, но главнымъ образомъ посвящались серьезнымъ и отчасти даже ученымъ разговорамъ, чему блестящее доказательство представляетъ діалогъ Платона „Пиръ“, хотя глубина содержанія и безукоризненная форма рѣчей не позволяютъ признать этотъ діалогъ вполне соответствующимъ дѣйствительности. Въ Академіи считались, повидимому, даже неумѣстными строго-философскія разсужденія во время пиршествъ. Такъ, объ Аркезилаѣ извѣстно, что онъ избѣгалъ подобнаго рода разсужденій во время пировъ, и, когда Аридилъ предложилъ ему одинъ вопросъ, какъ заслуживающій разсмотрѣнія, то Аркезилай отвѣтилъ: „философіи болѣе всего свойственно знать время для каждой вещи ²⁾“. Пиршества въ Академіи отличались скромностью, строгою благопристойностью и отсутствіемъ роскоши и всякаго рода излишествъ, такъ что Аѳинскій полководецъ Тимофей, бывшій на одномъ изъ такого рода

¹⁾ *Aelian.* II, 18.

²⁾ *Diog. Laert.* IV, 42.

пировъ у Платона, сказалъ: „обѣдающіе у Платона и на слѣдующій день чувствуютъ себя хорошо ¹⁾“, т. е. не испытываютъ непріятныхъ и вредныхъ послѣдствій неумѣреннаго употребленія пищи и вина. Платонъ признавалъ позволительнымъ пить до опьяненія лишь во время празднествъ Діониса, какъ бога вина ²⁾. Средства для пиршествъ получались отчасти изъ доходовъ Академіи, а отчасти чрезъ складчину и путемъ пожертвованій. Такъ, царь Антигонъ ежегодно присылалъ въ Академію деньги для устроенія пиршества въ день рожденія сына его, Алкіона ³⁾. Нѣкоторые ученые, на основаніи очень неясныхъ указаній Аюиней ⁴⁾, полагаютъ, что въ Академіи существовали также обѣденныя товарищества или застольные кружки (*συνεστιά*), т. е. постоянные общіе обѣды учениковъ вмѣстѣ съ учителемъ или главою школы, устроявшіеся на общія средства ихъ. Но противъ этого мнѣнія говоритъ какъ отсутствіе подтверждающихъ его опредѣленныхъ свидѣтельствъ, такъ тотъ фактъ, что Кратесъ, будучи главою школы, пользовался столомъ у своего слушателя и бывшаго соученика, Крантора ⁵⁾, что, конечно, не должно было бы имѣть мѣста, если бы въ Академіи существовали обѣденныя товарищества. Болѣе вѣроятнымъ слѣдуетъ признать предположеніе, что Платонъ и его преемники по временамъ приглашали къ себѣ на трапезу если не всѣхъ, то нѣкоторыхъ учениковъ, которые могли, такимъ образомъ, вступать въ ближайшее общеніе съ своимъ учителемъ не только во время академическихъ празднествъ, но и въ другіе дни. Также и въ позднѣйшія времена существованія Академіи въ ней поддерживалось тѣсное общеніе учащихся съ учащимися и

¹⁾ *Plutarch. De sanit. 9; Quaest. conv. 6; Athen. X, 419 c; Aelian. Var. Hist. II, 18; Cicer. Tuscul. Disp. V, 35, 100.*

²⁾ *Diog. Laert. III, 39.*

³⁾ *Ibid. IV, 41.*

⁴⁾ *Athenaei, Dipnosophist. I, 4, e; V, 186, b; X, 419, c; см. Zumpt, S. 39.*

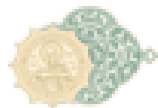
⁵⁾ *Diog. Laert. IV, 22.*

удержался обычай приглашенія схолярхомъ нѣкоторыхъ учениковъ къ себѣ на обѣды, сопровождавшіеся то серіозными, то шутливыми бесѣдами, дававшими пищу для ума и содѣйствовавшими развитію остроумія и любознательности. Такъ, изъ свидѣтельства Авла Геллія видно, что бывшій учителемъ его въ Афинахъ и схолярхомъ Академіи (ок. 117—161 г. по Р. Хр.) Кальвисій Тавръ посѣщалъ своихъ учениковъ во время ихъ болѣзни, дѣлая съ ними продолжительныя экскурсіи въ различныя мѣстности Греціи, пользуясь при этомъ различными случаями для полезныхъ бесѣдъ съ своими учениками, и слѣдилъ за ихъ поведеніемъ, стараясь не допустить ихъ до сближенія съ такими людьми, которые могли имѣть на нихъ дурное вліяніе ¹⁾. Онъ иногда приглашалъ къ себѣ наиболѣе близкихъ учениковъ на обѣды, которые начинались тогда, когда уже вечерѣло, и были обыкновенно весьма скромными. Какъ бы для того, чтобы не остаться въ долгу предъ хозяиномъ, каждый изъ учениковъ, приглашенныхъ на обѣдъ, заранее придумывалъ и подготавливалъ какой-либо вопросъ. Вопросы эти, предлагавшіеся по окончаніи обѣда и какъ бы замѣнявшіе десертъ, рѣшались сотрапезниками при участіи хозяина и не представляли строго-философскаго или научнаго характера, но имѣли цѣлью дать возможность рѣшающимъ ихъ проявить остроуміе и сообразительность, внести въ общество оживленіе и доставить пріятное и полезное развлеченіе ²⁾. Обыкновенно же ученики жили и, по всей вѣроятности, обѣдали небольшими группами. Такъ, Аркезилай жилъ вмѣстѣ съ Кранторомъ, а Полемонъ вмѣстѣ съ Кратесомъ и Лизикломъ ³⁾. Жили же они большею частью, повидимому, вблизи Академіи. Это извѣстно намъ, по крайней мѣрѣ, объ ученикахъ Полемона, которые, какъ мы уже упо-

¹⁾ Gell. XVII, 10; XII, 5; XX, 4.

²⁾ Gell. VII, 13; XVII, 8.

³⁾ Ibid.

мннали, помѣщались въ небольшихъ хижинахъ или палаткахъ близъ святилища Музъ и аудиторіи ¹⁾). Среди учениковъ встрѣчались, безъ сомнѣнія, люди бѣдные, вынужденные, можетъ быть, подобно стоику Клеанѳу, добывать тяжелымъ физическимъ трудомъ средства къ жизни. Но въ общей массѣ ученики Академіи не только обладали достаточными средствами для безбѣднаго существованія, но, судя по насмѣлкамъ со стороны комическихъ писателей, обнаруживали даже склонность къ изяществу и нѣкотораго рода роскоши или щегольству, намѣренно противопоставляя себя, повидимому, той цинической грубости, которою отличалась школа Антисѳена ²⁾). Какъ извѣстно, и самъ Платонъ допускалъ у себя нѣкотораго рода роскошь въ домашней обстановкѣ ³⁾).

4. Средства матеріальнаго обезпеченія Академіи.—Распоряженіе или и употребленіе ихъ.

Въ древности школы обыкновенно основывались по инициативѣ частныхъ лицъ и содержались на частныя средства. Въ Греціи и Римѣ государство, до временъ Имперіи, не принимало никакого участія ни въ основаніи школъ, ни въ поддержаніи ихъ. То же слѣдуетъ сказать и объ Аѳинской Академической школѣ, которая была не государственнымъ, а частнымъ учрежденіемъ. Платонъ не только основалъ ее на собственные средства, но и положилъ основаніе къ матеріальному обезпеченію существованія ея въ будущемъ, пожертвовавъ ей собственный садъ. Въ завѣщаніи Платона, которое приводится въ извлеченіи Діогеномъ Лаэртскимъ, упоминается о двухъ, принадлежавшихъ Платону, земельныхъ участкахъ, и если не

¹⁾ Diog. Laert. IV, 19.

²⁾ Athen. XI, 509; XII, 544 et 545; см. Zeller, Philos. d. Griech. II, 1, S. 376; Gomperz, Griech. Denker II Bd. S. 221.

³⁾ Diog. Laert. VI, 26.

оба они, то, по крайней мѣрѣ, второй изъ нихъ (τὸ ἐν Εἰρεσίῳ χωρίον) по своему положенію, какъ граничащій на западѣ съ Кефисомъ, могъ быть садомъ Платона при Академической гимназіи, какъ полагаетъ Цумптъ¹⁾. Но завѣщаніе это возбуждаетъ нѣкоторыя недоумѣнія: по смыслу его, все движимое и недвижимое имущество Платона должно было перейти въ собственность не школы или преемника его, а сына брата его, Адиманта, не бывшаго ни ученикомъ, ни преемникомъ его, между тѣмъ какъ изъ исторіи Академіи видно, что садъ Платона всегда составлялъ владѣніе Академической школы, что не только жили въ немъ первые преемники Платона, но что онъ принадлежалъ Академіи и въ позднѣйшія времена существованія ея (въ V в. по Р. Хр.), принося ей значительный доходъ²⁾. Поэтому слѣдуетъ признать, что приводимое Діогеномъ Лаэртскимъ завѣщаніе было составлено Платономъ тогда, когда Спевзиппъ, первый преемникъ Платона, не былъ еще ученикомъ его, и что оно по смерти Адимантова сына, умершаго еще при жизни Платона, было замѣнено, какъ утратившее законную силу, другимъ, не дошедшимъ до насъ завѣщаніемъ, по которому все движимое и недвижимое имущество Платона (или, по крайней мѣрѣ, садъ его) переходило къ Спевзиппу и его преемникамъ, составляя частное владѣніе школы, не подлежащее отчужденію и перешедшее преемственно отъ одного схоларха къ другому. Ежегодные доходы Академіи первоначально были весьма незначительны; они получались лишь съ сада, пожертвованнаго Платономъ, и составляли около трехъ золотыхъ монетъ. Но съ

¹⁾ *Diog. Laert.* III, 41; *Zumpt*, op. cit. S. 33.— Впрочемъ, оба эти земельные участка, судя по свидѣтельству Свиды, носили названіе сада Платона. „Платонъ“, говоритъ онъ, „былъ бѣденъ и владѣлъ только садомъ въ Академіи, который впоследствии составлялъ самую незначительную часть доходовъ діадокъ.“ *Suidae, Lexic.* II, 2, p. 297.

²⁾ *Diog. Laert.* IV, 6, 19, 39; *Plutarch.* De exil. 10; *Suidae, Lexic.* II, 2, p. 297.

теченіемъ времени имущество Академіи, благодаря щедрымъ пожертвованіямъ, настолько увеличилось, что въ схоластво Прокла (ок. 450—485 г. по Р. Хр.) доставляло ежегоднаго дохода болѣе 1000 золотыхъ¹⁾. Оно состояло изъ движимой и недвижимой собственности и капиталовъ, которые передавались Академіи въ наслѣдство не только схолархами, завѣщавшими ей при своей смерти или все свое имущество, или часть его, но также многими лицами, не принадлежавшими къ числу членовъ Академіи, но воодушевленными любовью къ наукѣ и искусству и желавшими путемъ пожертвованій содѣйствовать умственному развитію и нравственному воспитанію юношества. Къ доходамъ Академіи относилась также поступающая отъ учениковъ плата за ученіе, а со II в. по Р. Хр. присоединилось къ нимъ выдававшееся правительствомъ жалованье схолархамъ. Но впослѣдствіи (въ 529 г.) правительство наложило свою руку не только на имущество Академіи, но и на самое существованіе ея: Академія была закрыта навсегда, а все ея имущество конфисковано и обращено въ собственность государства.

Распоряженіе имуществомъ и доходами Академіи принадлежало исключительно схоларху, но оно, безъ сомнѣнія, не было вполне неограниченнымъ и безотчетнымъ, но подлежало нѣкотораго рода контролю или наблюденію со стороны другихъ членовъ Академіи. Къ такому заключенію приводятъ какъ то широкое участіе, какое ученики принимали въ выборѣ схоларховъ и въ другихъ сторонахъ Академической жизни, такъ тотъ фактъ, что схолархи не имѣли права отчуждать Академическое имущество или обмѣнивать его на другое.

Доходы, получавшіеся отъ Академическаго имущества, первоначально расходовались если не исключительно, то главнымъ образомъ на содержаніе схоларха. Но когда они съ

¹⁾ *Suidae*, Lexic. II, 2, p 297.

теченіємъ времени увеличились, то употреблялись, безъ сомнѣнія, также на поддержаніе Академическаго сада, на ремонтъ прежнихъ и на построеніе новыхъ зданій въ Академіи, на приобрѣтеніе книгъ для Академической бібліотеки, на устроеніе Академическихъ празднествъ и обѣдовъ или симпосій и вообще на все, что имѣло отношеніе къ матеріальнымъ и духовнымъ нуждамъ школы ¹⁾.

5. Управление Академическою школою.—Схолархи.—Выборы ихъ.—Преимущества и обязанности схоларховъ.

Что касается управленія Академическою школою, то прежде всего слѣдуетъ замѣтить, что она находилась подъ главнымъ завѣдываніемъ учителя или руководителя школы, схоларха (ректора), который считался главою или начальникомъ школы и предъ своею смертію или предъ добровольнымъ оставленіемъ школы передавалъ ее одному изъ своихъ учениковъ, какъ будущему своему преемнику (діадоху). Такъ. Спевзиппъ, чувствуя приближеніе смерти, призвалъ къ себѣ Ксенократа и просилъ его принять на себя завѣдываніе школою ²⁾. О Лакидѣ Діогенъ Лаэртскій говоритъ, что онъ былъ, насколько извѣстно, единственный или первый изъ схоларховъ, который еще при жизни передалъ школу преемнику ³⁾. Но назначеніе преемника самимъ схолархомъ имѣло, безъ сомнѣнія, видъ лишь рекомендаціи, которое хотя могло имѣть рѣшающее значеніе, но требовало согласія или одобренія со стороны прочихъ членовъ школы, такъ что каждый схолархъ избирался всѣми членами школы. На эту мысль наводитъ уже тотъ фактъ, что по смерти Кратеса Аркезилай слѣдился схолархомъ, благодаря тому, что ему уступилъ свое право нѣ-

¹⁾ Κωνσταντίνου, op. cit. p. 21.

²⁾ Diog. Laert. IV, 3.

³⁾ Ibid. 60; см. Zeller, II, 1, 839.

кій Сократидъ ¹⁾), получившій, повидимому, при выборахъ большее число голосовъ, нежели Аркезилай. Но прямое подтвержденіе эта мысль находитъ въ Геркуланскомъ спискѣ философъ Академической школы, гдѣ говорится, что по смерти Спевзиппа Ксенократъ, избранный въ преемники, какъ мы знаемъ, самимъ Спевзиппомъ, прошелъ только немногими голосами противъ Гераклида и Менедема ²⁾). Этотъ порядокъ избранія схолярховъ былъ нарушенъ въ періодъ времени съ конца II в. по Р. Хр. до первой половины V в., когда правительство начало вмѣшиваться во внутреннюю жизнь Академіи и въ частности въ дѣло избранія схолярховъ; но послѣ того онъ снова и, повидимому, даже съ гораздо болѣею строгостію былъ восстановленъ: всѣ члены Академіи снова получили избирательныя права, и схолярхъ избирался закрытою подачею голосовъ, причемъ составлялся протоколъ избранія схолярха или діадоба, называвшійся *ψήφισμα διαδοχῆς* ³⁾).

Схолярхъ признавался законнымъ и прямымъ преемникомъ основателя школы и главнымъ начальникомъ ея, и, какъ таковому, ему предоставлялось постоянное бесплатное помѣщеніе въ Платоновомъ саду и содержаніе изъ доходовъ школы, и всѣ ученики должны были повиноваться ему и относиться къ нему съ уваженіемъ. На него возлагались какъ преподаваніе философіи и распоряженіе имуществомъ школы, такъ попеченіе о всѣхъ матеріальныхъ и духовныхъ нуждахъ ея. Онъ устанавливалъ программу занятій, избиралъ себѣ изъ числа учениковъ помощниковъ для преподаванія и завѣдыванія школою и замѣстителей на время своей болѣзни или временнаго отсутствія, указывалъ предъ своею смертію на лицо, которое признавалъ достойнымъ быть его преемни-

¹⁾ *Ibid.* 32.

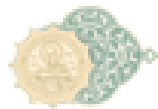
²⁾ См. Zeller, *Philos. d. Griech.* II, 1, S. 839.

³⁾ См. Κωυσταυτινίδης *op. cit.*, p. 24.

комъ, подвергалъ испытанію и принималъ въ школу вновь приходящихъ учениковъ, удалялъ изъ нея тѣхъ учениковъ, дальнѣйшее пребываніе которыхъ въ школѣ признавалъ почему-либо невозможнымъ, завѣдывалъ устройствомъ Академическихкихъ празднествъ и симпосій, въ чемъ помогали ему избравшіеся самими учениками распорядители (ἄρχοντες), и приглашалъ на нихъ какъ учениковъ, такъ постороннихъ лицъ, и т. под. Какъ къ законнымъ начальникамъ школы, относилось къ схолархамъ также правительство, которое нерѣдко изъ уваженія къ ихъ достоинствамъ и въ сознаніи высокой пользы, приносимой ихъ просвѣтительною дѣятельностію государству, освобождало ихъ отъ податей и повинностей и давало права Аѳинскаго гражданства тѣмъ изъ нихъ, которые не имѣли этихъ правъ, или же постоянное почетное званіе „военныхъ стратеговъ“, довѣряло нѣкоторымъ изъ нихъ выполненіе разнаго рода почетныхъ и важныхъ государственныхъ порученій, увѣчивало нѣкоторыхъ схоларховъ золотыми вѣнками или удостоивало торжественнаго погребенія и почетныхъ памятниковъ въ Керамикѣ на общественный счетъ, и т. под.

6. Отношеніе правительства къ Академіи. - Положеніе Академіи съ половины I в. до Р. Хр. — Закрытіе Академіи. — Вліяніе ея на позднѣйшія высшія учебныя и ученыя учрежденія.

Какъ частное учрежденіе, Академія до временъ римской имперіи не только не получала никакихъ средствъ или пособій, но и была вполне независимою въ своемъ управленіи и во всей организаціи отъ общественнаго управленія или правительства. Члены Академической корпораціи подлежали лишь дѣйствию общихъ государственныхъ законовъ и находились въ такомъ же отношеніи къ правительству, какъ и прочіе члены государства. Также относительно научно-философскихъ

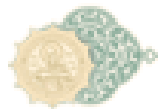

изысканій и преподаванія Академія пользовалась полною свободою. Только относительно религіи и нравственности преподаватели Академіи, подобно всѣмъ аѳинянамъ, могли подлежать нѣкоторымъ ограниченіямъ. Аѳиняне отличались широкою религіозною терпимостью. У нихъ не было ни церкви, ни опредѣленныхъ догматовъ вѣры, ни санкціонированнаго духовнымъ или гражданскимъ авторитетомъ кодекса нравственныхъ правилъ. Поэтому философы, поэты и т. под. пользовались въ отношеніи къ религіи и нравственности широкою свободою. Тѣмъ не менѣе Аѳинское правительство считало своимъ долгомъ охранять національную религію, культъ и общественную нравственность, какъ тѣсно связанныя съ государственнымъ строемъ и общественнымъ благосостояніемъ. Поэтому оно иногда подвергало преслѣдованію и тяжкимъ наказаніямъ тѣхъ лицъ, которыхъ признавало виновными въ атеизмѣ, въ отрицаніи національнаго культа и въ распространеніи ученій, вредныхъ для общественной нравственности. Нѣкотораго рода контролю или надзору со стороны общественнаго управленія Академія подлежала также относительно внѣшняго порядка, какъ пользовавшаяся для преподаванія гимназіею, составлявшею одно изъ общественныхъ учрежденій. Въ этомъ отношеніи она, подобно другимъ гимназіямъ, должна была находиться въ нѣкоторой зависимости отъ тѣхъ лицъ, которыя наблюдали за порядкомъ въ этихъ учрежденіяхъ и съ которыми у нея иногда происходили, повидимому, даже столкновения, какъ слѣдуетъ заключать на основаніи слѣдующаго сообщенія Діогена Лаэртскаго. Когда академикъ Карнеадъ, отличавшійся сильнымъ и весьма звучнымъ голосомъ, очень громко говорилъ предъ своими учениками, то гимнасіархъ послалъ сказать ему, чтобы онъ не кричалъ такъ громко. На это Карнеадъ возразилъ: „укажи мѣру для голоса“. Но гимнасіархъ очень находчиво отвѣтилъ: „ты имѣешь надлежащую мѣру въ слушателяхъ¹⁾“. Какъ ревниво

¹⁾ *Diog. Laert.* IV, 63.

Академія, подобно другимъ философскимъ школамъ, оберегала свою независимость, это показываетъ слѣдующій случай. Когда аѳиняне приняли (въ 307—302 г. до Р. Хр.) предложенный Софокломъ, сыномъ Амфиклида, законъ, по которому никто изъ философовъ, подъ угрозою смертной казни, не долженъ былъ открывать школы и завѣдывать ими безъ разрѣшенія городского совѣта и народа, то всѣ философы выселились изъ Аѳинъ и въ числѣ ихъ, между прочимъ, извѣстный философъ Теофрастъ, котораго этотъ законъ не касался, но который чрезъ свое добровольное выселеніе явно хотѣлъ выразить то чувство негодованія, какое вызвалъ въ немъ и въ его товарищахъ этотъ законъ. Но аѳиняне вскорѣ поняли свою ошибку, и въ слѣдующемъ году не только былъ отмѣненъ этотъ законъ, но и самъ Софоклъ былъ привлеченъ къ судебной отвѣтственности за предложеніе этого закона и присужденъ къ штрафу въ 5 талантовъ ¹⁾. Обнаруженное аѳинянами въ данномъ случаѣ посягательство на независимость философскихъ школъ объясняется вліяніемъ демократіи, которая во время борьбы противъ македонскаго владычества достигла преобладающаго значенія и непріязненно относилась къ философамъ, какъ бывшимъ сторонниками монархіи и въ частности македонскихъ правителей, тѣмъ болѣе, что большинство философовъ состояло изъ иностранцевъ. Вообще же Аѳинское общественное управленіе высоко цѣнило то преимущество, которое, благодаря философскимъ школамъ и въ особенности Академіи, утвердилось за Аѳинами, какъ за центромъ образованія для всего древняго міра, и поэтому оно не только не ограничивало философовъ въ ихъ дѣятельности, но и принимало иногда нѣкоторыя мѣры къ обезпеченію и продолженію ихъ дѣятельности. Такъ, когда одинъ изъ бѣднѣйшихъ и усерднѣйшихъ учениковъ стоика Зенона, Клеанѳъ, будучи вынужденъ судомъ указать тѣ средства, на

¹⁾ *Dog. Laeri.* V, 38; см. *Zumpt*, S. 41; *Grasberger*, III. S. 578, 579.

которыя онъ жилъ, показать, что онъ по ночамъ носитъ воду для одного огородника и работаетъ въ пекарнѣ, то ареопагъ опредѣлилъ выдать ему пособіе въ 10 минъ, которое, впрочемъ, Клеанъ, по совѣту Зенона, не принялъ ¹⁾). Плутархъ упоминаетъ о постановленіи ареопага просить перипатетика Кратинна, предполагавшаго удалиться изъ Аѳинъ, чтобы онъ остался въ Аѳинахъ и продолжалъ свою дѣятельность по обученію юношества, какъ содѣйствующую славу города ²⁾). Нерѣдко Аѳинское правительство, какъ мы уже упоминали, оказывало также разнаго рода почетныя отличія представителямъ философскихъ школъ: предоставляло нѣкоторымъ изъ нихъ право Аѳинскаго гражданства или освобожденіе отъ податей и повинностей, присуждало имъ почетныя вѣнки, воздвигало въ честь ихъ статуи и т. под. Матеріальное же обезпеченіе школъ со стороны правительства или назначеніе опредѣленнаго содержанія преподавателямъ философіи, обыкновенно соединяющееся болѣе или менѣе съ ограниченіемъ независимости школъ, не соответствовало общему строю Аѳинской государственной жизни и могло казаться не необходимымъ, пока Аѳины оставались единственнымъ или, по крайней мѣрѣ, центральнымъ пунктомъ для изученія философіи и вообще для высшаго научнаго образованія, потому что въ то время философскія школы могли удовлетворять свои матеріальныя нужды платою, получавшеюся съ слушателей, а нѣкоторыя школы, сверхъ того, доходами съ собственныхъ капиталовъ и недвижимаго имущества. Но около времени Рождества Христова положеніе дѣлъ измѣнилось, когда во многихъ мѣстахъ эллинизованнаго Востока и Запада,—въ Александріи, Антіохіи, на Родосѣ, въ Смирнѣ, Ефесѣ, Византіи, Марсели, Неаполѣ и др.,—были открыты философскія и риторическія школы, отвлекшія много учени-

¹⁾ *Diog. Laert.* VII, 168—169.

²⁾ *Plutarch. Cicer.* 24.

ковъ и даже учителей отъ Аѳинскихъ школъ и въ частности отъ Академіи. Въ особенности же Римъ привлекъ къ себѣ цѣлый рядъ философовъ, переселеніе которыхъ сюда началось въ концѣ республики, но въ особенности усилилось во времена имперіи, когда императоры стали принимать разнаго рода мѣры (почетныя отличія для учителей, освобожденіе ихъ отъ податей и повинностей, назначеніе имъ опредѣленнаго содержанія, основаніе высшаго учебнаго заведенія „Athenaeum“ въ Римѣ и т. под.) къ тому, чтобы привлечь въ Римъ и удерживать здѣсь лучшихъ учителей риторики и философій, вслѣдствіе чего постепенно все болѣе и болѣе устранилась для молодыхъ людей необходимость въ путешествіяхъ для научнаго образованія за границу и въ частности въ Аѳины, тѣмъ болѣе, что и наиболѣе значительные представители философскихъ школъ и въ частности Академіи жили и учили не въ Аѳинахъ и не въ Греціи, а въ другихъ странахъ. Поэтому Академія съ половины I вѣка до Р. Хр. начинаетъ клониться къ паденію. Уже Цицеронъ, пережившій Филона Ларискаго и Антіоха Аскалонскаго, жаловался на сильный упадокъ Академіи послѣ Антіоха¹⁾, оставившаго Аѳинскую Академическую школу около 69—68 г. до Р. Хр. И, дѣйствительно, послѣ того въ Аѳинской Академіи наступаетъ продолжительный застой, во время котораго идеи Платона не получаютъ дальнѣйшаго развитія. Философы этого, печальнаго въ исторіи Академіи, времени, носившіе названіе академикомъ и платоникомъ, не создаютъ ничего новаго. Они ограничиваются большею частью изложеніемъ и комментированіемъ сочиненій Платона и другихъ философовъ. Такъ, Кальвісій Тавръ (ок. 117—161 г. по Р. Хр.), пользовавшійся въ свое время большою извѣстностію, читалъ и объяснялъ своимъ ученикамъ сочиненія Платона и Аристотеля²⁾. Аѳинская Академія хотя продолжала существовать

¹⁾ *Cic. Ad Attic. V, 10.*

²⁾ *Gell. XVII, 20; XIX, 6.*

во времена римской имперіи, но влачила большею частью жалкое существованіе и по временамъ оставалась, безъ сомнѣнія, даже совсѣмъ безъ учителей и учениковъ. Въ теченіе времени приблизительно съ 44 г. до Р. Хр. по 65 г. по Р. Хр. и съ 270 по 323 г. по Р. Хр. (по опредѣленію П. Константинидиса) мы не встрѣчаемъ ни одного философа, котораго можно было бы признать схолярхомъ Академіи. Иногда Аѳины оставались, повидимому, даже совсѣмъ безъ философвъ или, по крайней мѣрѣ, безъ философвъ-академиковъ. Апостолъ Павелъ, при своемъ посѣщеніи Аѳинъ, встрѣтилъ въ нихъ лишь эпикурейцевъ и стоиковъ¹⁾. Филостратъ говоритъ, что когда Аполлоній Тіанскій въ первый разъ (въ 60 г. по Р. Хр.) прибылъ въ Аѳины, то встрѣтилъ здѣсь много философвъ²⁾; но были ли между ними академики и продолжалось ли въ это время преподаваніе философіи въ Академіи, неизвѣстно. Авлъ Геллій около 145—160 г. по Р. Хр. слушалъ въ Аѳинахъ философію у академика Кальвисія Тавра, пользовавшагося въ свое время, какъ мы уже замѣчали, извѣстностью и имѣвшаго, повидимому, немало учениковъ³⁾. Но и Тавръ жаловался на общее охлажденіе интереса къ философіи и указывалъ на то бѣдственное положеніе, въ которомъ находились преподаватели философіи, и на тѣ унизительныя мѣры, къ какимъ они должны были прибѣгать для того, чтобы вербовать и удерживать у себя богатыхъ учениковъ. „Встрѣчаются“, говоритъ онъ, „философы, которые незванные бѣгаютъ на уроки къ богатымъ молодымъ людямъ, садятся у дверей и ждутъ почти до полудня, пока ихъ ученики проспятъ отъ ночныхъ попоекъ“⁴⁾. Не могли возвратить Академіи прежняго, цвѣту-

¹⁾ Дѣян. Апост. XVII, 18.

²⁾ *Philostr.* Vit. Apoll. IV, 17 (*Philostr. et Callistr. opera, recogn. Westermann, Par. 1849, p. 78*).

³⁾ *Gell.* I, 26; II, 2; VII, 13 и др.

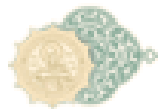
⁴⁾ *Gell.* VII, 10.

щаго положенія и тѣ мѣры, какія принимались нѣкоторыми изъ римскихъ императоровъ для распространенія научнаго и философскаго образованія въ провинціяхъ и въ частности въ Аѳинахъ. Такъ, извѣстно, что Антонинъ Пій „установилъ для риторовъ и философовъ во всѣхъ провинціяхъ (слѣдственно, также и въ Аѳинахъ) почести (освобожденіе отъ податей и повинностей) и содержаніе“ ¹⁾, при чемъ онъ не опредѣлилъ ни размѣровъ содержанія, ни числа преподавателей философіи (въ провинціяхъ), которые могли воспользоваться этимъ преимуществомъ, потому что ихъ, какъ онъ самъ говоритъ въ письмѣ къ азіатскимъ провинціямъ, было немного ²⁾, и обязанность выдачи содержанія возложилъ на самые города, которые неохотно исполняли эту обязанность и иногда даже совсѣмъ уклонялись отъ выдачи содержанія, вслѣдствіе чего это распоряженіе не могло много содѣйствовать улучшенію положенія философскихъ школъ. Позднѣйшіе императоры, подтверждавшіе это распоряженіе, говорятъ только о Римѣ и совсѣмъ не упоминаютъ о провинціяхъ, въ которыхъ въ то время или слишкомъ мало было, или, какъ полагаетъ Цумптъ ³⁾, совсѣмъ даже не было философскихъ школъ. Болѣе благотворное вліяніе на положеніе философскихъ школъ въ Аѳинахъ могло оказать распоряженіе императора Марка Аврелія, который въ 176 г. назначилъ философамъ четырехъ школъ (стоикамъ, академикамъ, перипатетикамъ и эпикурейцамъ) въ Аѳинахъ одинаковое содержаніе изъ императорской кассы въ 10000 драхмъ и этимъ, какъ выражается Діонъ Кассій, „не только почтилъ Аѳины, но и далъ въ Аѳинахъ учителей всему міру“, или, какъ говорить

¹⁾ *Capitolin. Antonin. P. 11: rhetoribus et philosophis per omnes provincias et honores et salaria detulit* (Script. Hist. Aug. iter. rec. Peter, vol. I, Lips. 1884, p. 45).

²⁾ *Philosophorum non constitutus est numerus, quia rari sunt qui philosophantur. Сн. Wachsmuth, Stadt Athen I, S. 698.*

³⁾ *Zumpt S. 47.*

Цумитъ, „сдѣлать Аѳины философскимъ университетомъ въ собственномъ смыслѣ“¹⁾). Но, назначивъ жалованье, Маркъ Аврелій лишилъ философскія школы той независимости, которую они прежде пользовались, и поручилъ назначеніе преподавателей въ философскія школы своему бывшему учителю Проду Аттику, а послѣ смерти послѣдняго, послѣдовавшей въ 177 году, избраніе преподавателей философіи предоставилъ комиссіи изъ „наилучшихъ, старѣйшихъ и мудрѣйшихъ лицъ въ городѣ“, подѣ которыми обыкновенно разумѣютъ или ареопагитовъ, или членовъ городского совѣта, или наиболѣе извѣстныхъ и вліятельныхъ философовъ, которые должны были подвергать кандидатовъ испытанію, имѣвшему цѣлью убѣдиться въ томъ, основательно ли знаютъ испытуемые систему своей школы и держатся ли ея²⁾). Отмѣченный здѣсь характеръ испытанія весьма знаменателенъ,—онъ ясно показываетъ, что въ то время неподвижность философіи была явленіемъ общепризнаннымъ и что даже отъ лучшихъ представителей, признававшихся достойными стоять во главѣ философскихъ школъ и получать казенное жалованье, не требовали и не ожидали дальнѣйшаго развитія ея, а считали достаточнымъ для нихъ лишь основательное знаніе системы той или другой школы. Естественное, поэтому, что философія такого рода представителей школъ, какъ говоритъ Лонгинъ о философахъ, встрѣченныхъ имъ въ Аѳинахъ около 230 года, состояла лишь въ повтореніи измѣненными словами и комментированіи того, что было написано древнѣйшими философами³⁾). Указанное распоряженіе Марка Аврелія, вмѣстѣ съ другими мѣрами, принимавшимися имъ для того, чтобы сдѣ-

¹⁾ *Dion. Cass. LXXI, 31; Philostr. Vit. sophist. II, 2; Lucian. Eunuch. 3; см. Zumpt S. 52; Wachsmuth, S. 700. Изъ свидѣтельства Лукіана Вахсмутъ заключаетъ, что въ каждой изъ означенныхъ четырехъ философскихъ школъ было въ то время по два преподавателя.*

²⁾ *Philostr. Vit. sophist. II, 2; Lucian. Eunuch. 3; см. Zumpt, S. 52.*

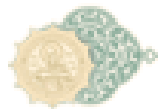
³⁾ *Zumpt, S. 54.*
Печатно издано Киевской Духовной Академіей и Семинаріей,
<http://kdais.kiev.ua>

латъ Аѳины однимъ изъ главнѣйшихъ пунктовъ научнаго образованія, могло содѣйствовать улучшенію лишь внѣшняго положенія философскихъ школъ въ Аѳинахъ. И дѣйствительно, въ Аѳинахъ умножилось число философовъ, и философскія школы начали наполняться учениками. Даже въ первой половинѣ III вѣка всѣ философскія школы имѣли еще, повидимому, своихъ представителей въ Аѳинахъ, судя по свидѣтельству Лонгина, который говоритъ, что онъ во время своей молодости (ок. 230 г.) встрѣтилъ въ Аѳинахъ много философовъ, и именно академиковъ, перипатетиковъ и стоиковъ; но чрезъ нѣсколько лѣтъ послѣ того (ок. 260 г.) онъ пишетъ относительно Аѳинъ, что здѣсь „теперь неимовѣрный недостатокъ въ философахъ ¹⁾“. Безъ сомнѣнія, представители философскихъ школъ въ Аѳинахъ въ это время уже не получали жалованья изъ императорской кассы ²⁾, и хотя молодые люди не переставали стекаться изъ разныхъ странъ въ Аѳины, но ихъ приводило сюда стремленіе къ изученію не столько философіи, сколько грамматики и риторики, которыя въ то время въ особенности высоко цѣнились. Несомнѣнно, что и преподаваніе въ Аѳинскихъ философскихъ школахъ не было непрерывнымъ, и нѣкоторыя изъ нихъ, если не всѣ, оставались по временамъ совсѣмъ безъ учителей и учениковъ. Только съ того времени, какъ неоплатонизмъ, получившій начало и развитіе въ Александріи и Римѣ, утвердился (ок. 400 г.) въ Аѳинской Академіи, послѣдняя въ лицѣ своихъ схолаховъ, и въ особенности Плутарха, Сиріана и Прокла, вышла изъ своей неподвижности, и въ ней является непрерывный рядъ представителей, продолжающійся до самаго закрытія ея, послѣдовавшаго почти черезъ 130 лѣтъ. Въ этотъ промежутокъ времени прочія философскія школы прекратили свое существованіе. Также и школа Платона должна

¹⁾ Zumpt, S. 53 und 55.

²⁾ Ibid., S. 55.

была выдержать тяжелую борьбу съ равнодушіемъ, а отчасти даже съ враждебнымъ отношеніемъ общества къ философіи, усилившимся въ особенности со времени утвердившагося господства христіанства, и съ тѣми мѣрами, которыя принимались христіанскимъ правительствомъ противъ языческой религіи и тѣсно связаннаго съ нею языческаго образованія, и если въ теченіе довольно продолжительнаго времени она могла устоять въ этой борьбѣ, то этимъ въ значительной степени обязана она энергіи своихъ представителей, своей замкнутости и тѣмъ самостоятельнымъ матеріальнымъ средствамъ обезпеченія, которыми она обладала въ видѣ доходовъ съ принадлежавшихъ ей капиталовъ и недвижимой собственности. Но въ это время „преподаваніе уже утратило тотъ публичный характеръ, которымъ отличались философскія школы въ прежнія времена. Философская школа новоплатониковъ въ Аѳинахъ была очень немногочисленна и скорѣе походила на интимный родственныи кружокъ, нежели на школу. Когда Проклъ пришелъ къ Плутарху, то нашелъ у него только Архіада и Сиріана, кромѣ сына его Гіерія и дочери Асклепигеніи, хотя Плутархъ пользовался большою славой среди своихъ современниковъ и его называли иногда даже великимъ¹⁾“. Епископъ Птолемаидскій Синезій, посѣтившій Аѳины въ 400 г., пишетъ въ одномъ изъ своихъ писемъ, что теперь Аѳины не имѣютъ ничего достославнаго, кромѣ знаменитыхъ названій мѣстностей, философія выселилась отсюда, городъ, бывшій прежде очагомъ мудрости, теперь славится лишь пчеловодствомъ, и мудрый Плутархъ привлекаетъ къ себѣ учениковъ благодаря лишь щедрымъ объѣдамъ (кружкамъ меду Гиметскаго)²⁾. Хотя Синезій, какъ глубокий почитатель Александрійской школы и своей учительницы Ипатіи, сгущаетъ нѣсколько краски и изображаетъ положеніе дѣлъ, безъ сомнѣнія, въ болѣе мрачномъ видѣ, нежели въ какомъ

¹⁾ *Готтшкѣ С.* Философскій лексиконъ, т. IV, вып. 1. Кіевъ, 1872, стр. 143.

²⁾ *Synes. Epist. 135.*

они дѣйствительно находились, тѣмъ не менѣе несомнѣнно, что единственная философская школа, оставшаяся въ Аѳинахъ, переживала тяжелые дни при Плутархѣ и его преемникахъ и сама собою близилась постепенно къ своему концу, который былъ ускоренъ послѣднимъ, рѣшительнымъ ударомъ, нанесеннымъ ей въ 529 году императоромъ Юстиніаномъ, пославшимъ въ Аѳины эдиктъ, которымъ воспрещалось преподаваніе философіи, и конфисковавшимъ имущество и капиталы Академіи. Такимъ образомъ Академическая школа въ Аѳинахъ была закрыта, просуществовавъ болѣе 900 лѣтъ. По закрытіи Академіи семь философовъ во главѣ съ послѣднимъ схолярхомъ ея Дамаскіемъ отправились въ Персію къ царю Хосрою, и хотя вскорѣ послѣ того (въ 533 г.) они снова возвратились въ Аѳины, и Симплицій, ученикъ Дамаскія, занимался здѣсь даже преподаваніемъ философіи, но это было преподаваніе частное. Общественныя философскія школы въ Аѳинахъ остались навсегда закрытыми ¹⁾).

До нашего времени не сохранилось никакихъ остатковъ ни отъ сада Платонова, ни отъ той гимназіи, которая носила названіе Академіи и служила для Платона и его преемниковъ главнымъ мѣстомъ ученія, и ученые не вполне согласны даже относительно мѣстоположенія ея. Но народное преданіе не только сохранило память объ Академіи, но и приурочиваетъ, повидимому, правильно названіе ея (*Ἀκαδημία*, *Ἀρχαδῆμια*, *Ἀκαδημία*) къ одной изъ низменностей, находящихся на сѣверо-западѣ отъ Аѳинъ ²⁾). Не сохранилось до нашего времени также живописныхъ и т. под. изображеній Академіи. Нѣкоторые ученые полагали, что мозаичная картина, найденная въ 1897 г. близъ Помпей, изображаетъ именно Аѳинскую Академію съ Платономъ и шестью его уче-

¹⁾ Относительно обстоятельствъ закрытія Академіи см. *Zumpt* S. 61, 62, 89; *Wachsmuth*, S. 721.

²⁾ *Wachsmuth*, S. 255, 744.

никами ¹⁾. Но болѣе внимательное изученіе этой мозаики привело къ общему убѣжденію въ ошибочности этого мнѣнія. Такимъ образомъ, мы не имѣемъ никакихъ вещественныхъ памятниковъ отъ Академіи, которые давали бы намъ возможность составить болѣе или менѣе ясное, наглядное представленіе о внѣшнемъ образѣ Академіи,—о той внѣшней обстановкѣ, среди которой началась и протекала жизнь Академіи. Но духовный образъ Академіи,—то, что было сдѣлано Платономъ и его преемниками для развитія науки и для высшаго научнаго образованія, духъ научнаго изслѣдованія, организація научной работы, самый строй Академіи, не исчезли безслѣдно и нашли болѣе или менѣе отраженіе въ тѣхъ высшихъ учебныхъ и ученыхъ учрежденіяхъ, которыя начали устраиваться въ различныхъ странахъ еще во время существованія Академіи и которыя устроились въ послѣдующія времена. Уже Цицеронъ, бывшій глубокимъ почитателемъ Академической философіи, обнаружилъ попытку устроить въ двухъ своихъ помѣстьяхъ нѣкоторое подобіе Академіи. Онъ назвалъ именемъ Академіи одну изъ своихъ виллъ въ Кампаніи, между Путеолами и Авернскимъ озеромъ, представлявшую все удобства для научно-философскихъ бесѣдъ и для уединеннаго размышленія. Здѣсь, какъ и въ Афинской Академіи, былъ портикъ, окруженный прекрасными тѣнистыми аллеями. На этой виллѣ онъ, между прочимъ, написалъ свой философскій трактатъ объ Академіи (*Academica*) ²⁾. Точно также онъ далъ названіе Академіи одному мѣсту въ своемъ Тускуланскомъ помѣстьи, гдѣ также находился, безъ сомнѣнія, портикъ съ аллеями или паркомъ и гдѣ онъ, по собственному его свидѣтельству, велъ философскія бесѣды съ своими друзьями ³⁾.

¹⁾ См. статью: Ein jungst bei Pompeji freigelegtes Mosaikbild der Schule von Athen v. A. Chiappelli und A. Stein in Archiv für Gesch. d. Philos. XI Bd. 1898, S. 171—180, гдѣ между прочимъ помѣщенъ и снимокъ съ этой мозаики.

²⁾ *Phil. Nat. Hist.* XXXI. 2, 3 (rec. *Janus*, vol. IV, Lips. 1880, p. 261).

³⁾ *Cicer. Tuscul.* II, 3, 9; III, 3, 7; *Ad Attic.* I, 4, 9, 11.

Также императоръ Адріанъ, воспроизведшій въ своей Тибурской виллѣ нѣсколько наилучшихъ зданій Греціи, воздвигъ тамъ сооруженія и насадилъ паркъ по образцу Аѳинской Академіи ²⁾. Но это были попытки собственно вѣшняго перенесенія Академіи на римскую почву, чуждыя стремленія возсоздать Академію, какъ общественное просвѣтительное учрежденіе, въ тѣхъ существенныхъ ея сторонахъ, благодаря которымъ она приобрѣла высокое значеніе въ исторіи чело-вѣческой культуры. Эти стороны нашли болѣе или менѣе примѣненіе въ тѣхъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, которыя были основаны около времени Рождества Христова и во время римской имперіи въ различныхъ странахъ по образцу Аѳинскихъ философскихъ школъ и главнымъ образомъ Академіи, а также въ средневѣковыхъ академіяхъ и университетахъ, образцами для которыхъ служили древнѣйшія школы. Академія имѣла несомнѣнное вліяніе также на западно-европейскія высшія учебныя и ученыя учрежденія новаго времени (если не непосредственно, то чрезъ предшествующія учрежденія подобнаго рода), а чрезъ нихъ—на наши русскіе Университеты и Академіи и прежде всего на нашу Кіевскую Духовную Академію, какъ старѣйшую изъ всѣхъ русскихъ высшихъ школъ. Если бы Платонъ и его ближайшіе преемники могли снова явиться на землѣ и познакомиться съ исторіею нашей Академіи, съ ученою и учебною дѣятельностью членовъ ея и съ прежнимъ и современнымъ ея строемъ, то, безъ сомнѣнія, признали бы здѣсь многое унаслѣдованнымъ отъ той самой древней Академіи, во главѣ которой сами они стояли, и по всей справедливости могли бы сказать: „тутъ и нашего меду капля есть“.

Н. Дроздовъ.

¹⁾ *Spartian. Hadrian. 26* (Scriptor. Hist. Aug., iter. rec. Peter, v. I Lips 1884, p. 28).